

II. Автобіографія проф. М. А. Попова.

Родився я въ 1843 году, 17 ноября, въ слободѣ Ново-Глуховѣ (Кременная тожъ), Купянскаго уѣзда, Харьковской губерніи. Родители мои были купцы. Не смотря на скромныя средства, отецъ мой старался дать всѣмъ дѣтямъ элементарное образованіе; съ этою цѣлью старшіе четыре сына своевременно опредѣлены были въ уѣздныя училища, а послѣдніе два Алексѣй и я въ гимназію.

Первоначальное образованіе получилъ я въ первой Харьковской гимназіи, куда поступилъ въ августѣ 1854 года въ первый классъ. За время моего семилѣтняго пребыванія въ гимназіи директоромъ вначалѣ былъ Ефимъ Степановичъ Шопинъ, а затѣмъ Верниковскій; инспекторомъ вначалѣ былъ Николай Ефимовичъ Артюховъ, затѣмъ Адольфъ Степановичъ Спепура, а еще позже Адольфъ Федоровичъ Альбрехтъ. Выставками моими были по Закону Божію Тимоѣей Ивановичъ Павловъ; по русскому языку Судовщиковъ, Иванъ Павловичъ Лебедевъ и Дмитрій Петровичъ Чириковъ; по исторіи — Михаилъ Афанасьевичъ Малиновскій и Эдмундъ Осиповичъ Ливскій; по географіи — Семень Павловичъ Кованько и Зміевъ; по математикѣ и физикѣ — Валерьянъ Григорьевичъ Дементьевъ, Яковъ Ефимовичъ Лопушанскій и Павелъ Павловичъ Ладовскій; по латинскому языку — Михаилъ Степановичъ Вилоревскій; по греческому языку — Василій Петровичъ Авдіевъ; по немецкому языку — Францъ Антоновичъ Катренъ и Андрей Ивановичъ Франк; по французскому языку Августъ Степановичъ Манжо.

Съ чувствомъ глубокаго уваженія и благодарности я вспоминаю моихъ преподавателей и въ особенности отца Тимоѣя Павлова, преисполненнаго разсуждающаго насъ какъ ветхій и новый Завѣтъ, такъ въ особенности катехизисъ, богослуженіе и церковную исторію. Приводили насъ въ восторгъ также учителя Малиновскій и Ливскій, замѣчательно пристрастно и подробно знакомившіе насъ съ русскою и всеобщею исторіею. Съ особенною любовію вспоминаю я также Дементьева и Ладовскаго, увлекавшихъ насъ не только яснымъ изложеніемъ мате-

матики и физики, но также и производствомъ нѣкоторыхъ физическихъ опытовъ. Оба эти преподавателя по своей добротѣ и мягкости обращенія съ нами были особенно нами любимы. Ладовскому же нужно сказать особенное спасибо еще и за то, что онъ старался особенно развить насъ, приучая насъ самостоятельно работать, знакомя насъ съ русскими классиками и новой литературой. Благодаря исключительно его вліянію, нашъ классъ зачитывался произведеніями Пушкина, Гоголя, Лермонтова, Аксакова, Тургенева, Гончарова, Бѣлинскаго и другихъ. Въ 6 и 7 классѣ мы выписывали на свой счетъ два періодическихъ журнала. Въ VII классѣ Ладовскій устраивалъ особенныя собранія, на которыхъ читались критическія статьи учениковъ, на которыя являлись антикритики, возбуждались диспуты, которые побуждали всѣхъ къ соревнованію и усиленному развитію.

Преподаватель латинскаго языка Назаревскій былъ строгъ, но справедливъ, всѣ ученики его выходили съ хорошимъ знаніемъ латинскаго языка. Греческій языкъ не былъ обязательнымъ предметомъ и охотниковъ слушать его было всегда немного; такъ, въ IV классѣ на греческій языкъ записались 5 человекъ, въ числѣ которыхъ былъ и я; въ VII-же классѣ остался одинъ только я, остальные всѣ оставили его.

Сравнительно слабо шло преподаваніе географіи. С. И. Кованько никогда ничего не объяснялъ, а только лишь отмѣчалъ уроки и когда отвѣчалъ ученикъ урокъ, то С. И. почти не слушалъ его. По обыкновенію онъ прогуливался по классу и крутилъ въ рукахъ бумажку. С. И. Кованько занимался собираніемъ и изданіемъ русскихъ пословицъ и любилъ писать стихи. Зміевъ поступилъ учителемъ по выходѣ Кованько въ отставку. Зміевъ не рѣдко рассказывалъ намъ о полярныхъ странахъ и о путешествіяхъ натуралистовъ въ Африку. Какъ экзаменаторъ Зміевъ былъ очень снисходителенъ. Незавидно было преподаваніе въ гимназіи новыхъ языковъ, а потому недостатки по французскому и нѣмецкому языку пришлось пополнять дома. По французскому языку я бралъ частныя уроки теоріи и практики у грека Сари, а по нѣмецкому сначала у гимназиста VI класса Помазанова, а затѣмъ продолжалъ уже самъ дома. Англійскій языкъ я началъ изучать находясь уже въ VI классѣ. Уроки англійскаго языка давалъ мнѣ родной братъ мой Алексѣй. Курсъ гимназій я окончилъ въ маѣ 1861 года и вступительный экзаменъ, вслѣдствіе распоряженія начальства, всѣ мы гимназисты держали не въ гимназіи, а въ зданіи университета, гдѣ по каждому изъ предметовъ былъ ассистентъ профессоръ. Предсѣдателемъ экзаменаціонной коммисіи былъ профессоръ исторіи Зернинъ. Окончивъ удовлетворительно экзамены, я получилъ право на XIV классъ

на изученіе греческаго языка и въ то же время поступилъ на медицинскій факультетъ въ Харьковскій университетъ.

За пятилѣтнее пребываніе въ университетѣ мнѣ пришлось слушать лекціи слѣдующихъ профессоровъ: Богословіе — Василій Ивановичъ Добротворскій; ботаника — Адольфъ Самойловичъ Питра; медицинскія науки — Теофанъ Васильевичъ Тихоновичъ; зоологія — Никифоръ Дмитриевичъ Борисякъ; неорганическая химія — Николай Николаевичъ Бекетовъ; органическая химія — Гарничъ — Гарницкій; фармакогнозія и фармація — Яковъ Николаевичъ Ганнотъ; сравнительная анатомія — Александръ Францовичъ Масловскій; минералогія — Павелъ Тихоновичъ Степановъ; энциклопедія медицины — Григорій Семеновичъ Рындовскій; анатомія, гистологія и патологическая анатомія — Душанъ Федоровичъ Лямбль, при немъ прозекторъ Ипполитъ Осиповичъ Вилкомирскій, помощникъ прозектора Петръ Эрнестовичъ Гумбургъ, а послѣ смерти Ляμβля — Федоръ Васильевичъ Ганъ; физиологія и общая патологія — Иванъ Осиповичъ Калениченко и Иванъ Петровичъ Щелковъ; семіотика — Федоръ Карловичъ Альбрехтъ; частная патологія и терапія — Павелъ Александровичъ Демонси; фармакологія, репечтура и общая терапія — доцентъ Дмитрій Ивановичъ Кисилевъ; теоретическая хирургія и офтальмологія — Иванъ Кондратьевичъ Зарубинъ; терапевтическая клиника — Д. Ф. Лямбль, при немъ ординаторъ Евтихій Никитичъ Костинъ; оперативная хирургія, хирургическая и глазная клиника — Александръ Федоровичъ Грубе, при немъ ординаторы Алексѣй Ивановичъ Дудкаловъ и Николай Петровичъ Кедровъ; акушерство, женскія и дѣтскія болѣзни и акушерско-гинекологическая клиника — Иванъ Павловичъ Язаревичъ, при немъ ординаторъ Павелъ Африкановичъ Ясинскій; судебная медицина и гигиена съ эпизоотологіею — Альбертъ Самойловичъ Питра.

Въ теченіе пятилѣтняго пребыванія въ университетѣ, я два раза получалъ по экзамену отъ Правленія университета денежное пособіе, а именно состоя на 2 курсѣ 5 февраля 1863 г. — 25 р. и на 3 курсѣ въ декабрѣ 1863 г. — 60 р.

Въ апрѣлѣ и маѣ 1866 года я держалъ окончательный экзаменъ и 30 мая того же года удостоенъ по экзамену званія лѣкаря съ отличіемъ (*sensu eximia laude*) и уѣзднаго врача.

Въ июль и июль мѣсяцы 1866 года я занимался приѣмомъ амбулаторныхъ больныхъ въ лѣчебницѣ Харьковскаго медицинскаго общества, а 15 октября того же года вступилъ въ дѣйствительные члены этого общества, членомъ состояю и по настоящее время.

Въ 1866 году по предложенію Харьковской Врачебной Управы, исполнялъ обязанность участковаго врача г. Харькова во время эпидеміи холеры, съ 6 августа по 3 сентября, дежуря въ аптекѣ Кириллова на Торговой площади. Участки г. Харькова, данныя мнѣ подъ наблюденіе были вся занетеченская часть (Москалевка, Заиковка), Торговая площадь, Университетская улица и Пески (т. е. Клочковская и всѣ прилегающія къ ней улицы). 10 сентября того же года я представилъ въ Врачебную Управу отчетъ о наблюдавшихся мною случаяхъ холеры.¹⁾

Привожу здѣсь краткія извлеченія изъ моего отчета. Во все продолженіе моего дежурства отъ 6 августа до 3 сентября у меня было 28 человекъ заболѣвшихъ холерою, изъ нихъ 17 выздоровѣло и 11 умерло. Случаи, которые выпали наблюдать на мою долю, сопровождались въ большинствѣ случаевъ всѣми признаками этой болѣзни и притомъ въ различныхъ степеняхъ ея. Едва ли изъ 28 субъектовъ было два или три такихъ, у которыхъ не доставало или судорогъ, или рвоты. Ближайшими причинами болѣзни были гнилая и сырая мѣстность и всегда почти неумѣренность и неосторожность въ пищѣ. Сырые продукты (дыни, яблоки, сливы и груши), а также недобродившій квасъ съ соленою рыбою составляли главные, а простуда, пьянство и несоблюденіе вообще гигиеническихъ условій второстепенныя причины болѣзни. Что мѣстность низменная и нечистота содержанія помѣщенія имѣли важное значеніе въ появленіи болѣзни при мiasmатическомъ, какъ полагаютъ, состояніи воздуха, объ этомъ едва ли нужно и говорить, а ргіогі можно было полагать, что Пески и Занетечъ (включая сюда Москалевку и Заиковку) будутъ главными центрами болѣзни и это дѣйствительно и подтверждалось при наблюденіи надъ эпидеміею. Вопросъ о контагіозности холеры изъ моихъ наблюденій рѣшается скорѣй такъ, что холера не заразительна, потому что всѣ люди, которые ухаживали за больными, кромѣ простой усталости, ничего не ощущали болѣзненнаго; хотя, впрочемъ, есть и такого рода факты, гдѣ заболѣвали и умирали почти всѣ въ семействѣ, начавшись отъ одного больного (семейство Вагнеръ, домъ Бѣлина, на Пескахъ); подобнаго рода явленія можно также отнести къ истощенію организма отъ неупотребленія пищи, при непомѣрно, въ тоже время, сильныхъ хлопотахъ. Интересно также и то, что изъ пріѣзжихъ въ Харьковъ, по случаю ярмарки, изъ тѣхъ мѣстъ, гдѣ была холера и отъ которыхъ, какъ кажется, всѣ ожидали заноса болѣзни, никто почти не заболѣлъ,

¹⁾ Удостовереніе объ исполненіи мною обязанности участковаго врача выдано мнѣ изъ Врачебной Управы въ 1866 г. за № 2541.

исключая Вольфъ-Рамсдорфа, прїѣхавшаго изъ Лебедина. Болѣли больше Харьковцы и не въ центрѣ города, гдѣ собирается много народа, а въ отдаленныхъ частяхъ города, ближе къ окраинамъ.

Течение холеры въ большинствѣ случаевъ было быстрое: 8, 9 и 10 числа и болѣзнь оканчивалась летальнымъ исходомъ. Въ тѣхъ же случаяхъ, гдѣ болѣзнь была рано захвачена и изнурительный процессъ ее сколько возможно прерванъ, тамъ она тянулась 1, 2 и 3 дня, переходя въ совершенное выздоровленіе. Смертность была почти въ такой же степени какъ и въ другихъ мѣстностяхъ, почти $\frac{1}{3}$ заболѣвшихъ умерла, во во всѣхъ этихъ смертныхъ случаяхъ докторъ призванъ былъ тогда, когда болѣзнь доведена была до крайней степени, когда уже параличъ сердца былъ близокъ и слѣдовательно медицинская помощь была излишня. Было впрочемъ два случая (Авдотья Левитская и Ефимья Чернявчиха) и такихъ, гдѣ повидимому близокъ былъ параличъ сердца, но который отклоненъ былъ сообразнымъ и своевременнымъ употребленіемъ рекомендуемыхъ медициною средствъ. Не лишнее замѣтить, что количество болѣвшихъ въ извѣстные числа было больше, а въ другія—меньше. Къ первымъ относятся 7, 14, 15 и 17 числа августа; прибавлю наконецъ, что съ извѣстнаго срока (съ 21 августа) смертность значительно пала, изрѣдка прорываясь однимъ, или двумя случаями въ сутки. Въ упомянутые числа августа мѣсяца (7, 14, 15 и 17) жаркие и душные дни смѣнялись довольно холодными ночами, а въ нѣкоторые изъ этихъ дней былъ даже дождь при очень холодномъ вѣтрѣ.

Леченіе мое состояло въ 1 періодѣ холеры въ употребленіи внутрь *Infusio Trae Menthae pip, thebaicae, nuc. vomicae*, сложныхъ капель, *guttae Inosemzowi, Tilmani, Dobronravovi*. Во 2 періодѣ при сильномъ рвотѣ—*Calomel* и ледяныя пилюли; при сильныхъ поносахъ по рецепту д-ра Финке (Военно-Мед. журналъ 1866 г.) *Tra ferri sesquichloridi*, при начинающихся судорогахъ и упадкѣ *Nux vomica, Valeriana, guttae Hartmani et cet.* Въ 3 періодѣ—возбуждающія: вино, водка (первоначально), *Camphora, Aether sulfuricus* и *Moschus* съ присоединеніемъ жидкостей предыдущихъ и охлаждающихъ, смотря по надобности. Средства употребляемы были во всѣхъ трехъ періодахъ раздражающіе средства для растиранія, горчичники, теплыя припарки, укутыванія и теплыя ванны. При выздоравливаніи давались укрѣпляющія средства и предписывалось строгое соблюденіе необходимыхъ въ этомъ случаѣ санитарическихъ правилъ.

Будучи еще на студентской скамьѣ, я особенно полюбилъ предписываемыя читанные проф. Лямблемъ, а именно анатомію и гистологію нормальную и патологическую. Еще студентомъ я, по наставленію

проф. Лямбля, въ каникулярное время занимался изученіемъ строенія различныхъ растений на поперечныхъ и продольныхъ разрѣзахъ; измѣненіе растительныхъ клѣтокъ при кипяченіи, гніеніи и при дѣйствіи на нихъ различныхъ химическихъ веществъ, при этомъ обращено было особенное вниманіе на зерна крахмала. Справочной книгой при этомъ, кромѣ сочиненій по ботаникѣ, служила статья Лямбля „Микроскопическія изслѣдованія кишечныхъ испражнений“, напечатанная въ Военно-Медицинскомъ журналѣ за 1859 годъ. Школьныя занятія эти велись безъ всякой системы и послѣдовательности. Я старался лишь знакомиться съ микроскопическими картинами, которыя и заносилъ аккуратно въ рабочій журналъ. Судя по замѣткамъ и рисункамъ, которыя я дѣлалъ при моихъ микроскопическихъ занятіяхъ и которыя сохранились у меня до сихъ поръ, я неограничивался изученіемъ строенія одной растительной ткани, но изслѣдовалъ все, что было мнѣ доступно. Такъ въ моемъ рабочемъ журналѣ приложены описанія и рисунки слѣдующихъ микроскопическихъ картинъ: эпителий полости рта, слизь, слюна и примѣсь въ ней (пузырьки воздуха, растительная ткань послѣ принятія пищи, *oidium albicans*, *leptotrix buccalis* и проч.); поперечно-полосатыя мышечныя волокна, жиръ, кровяныя шарики и кристаллы гимины, гной, перерожденный хрусталикъ при катарактѣ, *trichosephalus dispar*, вынутый изъ слѣпой кишки трупа солдата, *oxyuris vermicularis*, найденный въ испражненіяхъ одного мальчика и другіе объекты. Справочными книгами при этомъ были для меня Kölliker—Lehrbuch d. Gewebelehre и записки патологической анатоміи Лямбля. Кромѣ того разныя части насекомыхъ: крылья, ножки, пухъ, хоботки мухъ, бабочекъ, пауковъ и проч. Капли прѣсноводной и загнившей воды, водоросли, инфузоріи, вибрионы, кристаллы разныхъ солей и проч.

Съ сентября мѣсяца 1866 года я началъ свои занятія въ гистологической лабораторіи проф. Н. А. Хржонщевского по гистологіи нормальной и патологической. Здѣсь занятія мои велись уже правильно систематически и, благодаря любезному руководительству опытнаго въ дѣлѣ преподаванія проф. Хржонщевского, я практически изучилъ всю гистологію, кромѣ нервной системы. Помимо приготовленія микроскопическихъ препаратовъ по всѣмъ органамъ (кромѣ мозга) и тканямъ, я научился производить тончайшія инъекціи кровеносныхъ сосудовъ, а также научился различнымъ методамъ для изслѣдованія выводныхъ протоковъ и каналовъ, лимфатическихъ сосудовъ и нервовъ. Микроскопическіе нормальные и патологическіе препараты, приготовленные мною въ лабораторіи Хржонщевского, подарены мною въ музей физиологической анатоміи Харьковскаго университета и сохраняются до сихъ

мръ. Въ той-же лабораторіи я началъ спеціальную работу „о тончайшихъ лимфатическихъ сосудахъ и окончаніяхъ нервовъ въ поджелудочной желёзѣ“. Не смотря на двухъ-годичный трудъ и массу сдѣланныхъ инъекцій и экспериментовъ, я не получилъ настолько опредѣленныхъ результатовъ, чтобы могъ опубликовать ихъ. Причина такой неудачи заключалась главнымъ образомъ въ трудности рѣшенія задачи, въ несовершенству методовъ. Хотя я и не добился того, чего желалъ, тѣмъ не менѣе однако-жъ, производя эту работу, я извлекъ громадную пользу, такъ какъ благодаря этому я очень хорошо ознакомился съ различными методами изслѣдованія лимфатическихъ сосудовъ и нервовъ и вообще съ микроскопической техникой; обстоятельно изучилъ литературу не только близкую къ этому вопросу, но и вообще проштудировалъ целый рядъ старыхъ и новыхъ сочиненій по анатоміи и гистологіи.

Приступая къ моей работѣ, я задался слѣдующими вопросами: 1) провѣрить на возможно большемъ количествѣ человѣческихъ труповъ анатомію поджелудочной железы, т. е. ея форму, цвѣтъ, длину, ширину, толщину, вѣсъ, поверхности, края, отдѣльныя части железы, бровиды, протоки, артеріи, вены, лимфатическіе сосуды и нервы. 2) микроскопическими изслѣдованіями провѣрить а) находятся ли органичныя мышцы въ стѣнкахъ ductus Wirsungianus? б) Какимъ образомъ откуда начинаются выводные протоки въ желёзѣ? в) Существуютъ-ли въ желёзѣ лимфатическіе сосуды и гдѣ они проходятъ? и д) Опредѣлить ходъ и окончаніе нервовъ.

Что касается до перваго отдѣла—грубой анатоміи, то благодаря любезности профф. Лямбля, Вагнера и Альберта Питра, я имѣлъ возможность имѣть въ распоряженіи моемъ поджелудочныя железы болѣе, чѣмъ отъ 50 труповъ. Инъекціи артерій и венъ сало-восковой массой производилъ я самъ и затѣмъ тщательно препаровалъ. Результаты, которые я получилъ, ничего новаго не прибавили къ тому, что уже было раньше занесено въ учебникъ, а именно:

1) Форма железы—сплюснутый цилиндръ, суживающійся по направленію отъ головки къ хвосту, въ общемъ железа имѣетъ видъ яйца. 2) Цвѣтъ нормальной железы блѣдно-розовый, мѣняющійся при венозномъ переполненіи и при началѣ гніенія въ красный; 3) на сѣкѣ крупно зерниста съ ясно выраженными отдѣльными дольками. 4) Длина железы у взрослого 14—20 см. 5) Ширина 2—5 см. 6) Толщина 1½—2½ см. 7) Вѣсъ—65—80 gram. 8) Нужно различать передне-верхнюю и задне-нижнюю поверхность. 9) Края—нижне-передній, свободный и закругленный и верхне-задній, слегка желобоватый для помѣщенія селезеночной артерій и вены. 10) На каждой желёзѣ можно

различать головку, тѣло и хвостъ. Головка представляет собой завернувшуюся книзу часть железы, причемъ между тѣломъ и головкой образуется глубокий желобъ, выполненный воротной веной и составляющими ее вѣтвями, артеріями и лимфатическими железами. 11) Кромѣ только что описаннаго желоба, находится еще другой желобъ, тянущійся по верхне-заднему краю тѣла и хвоста железы для селезеночныхъ сосудовъ—12) Главный выводной протокъ (duct. Wirsungianus) тянется по продольному направленію железы отъ хвоста къ головкѣ, заложенный въ срединѣ паренхимы железы. Диаметръ протока мало по малу увеличивается по направленію къ головкѣ. Изливается протокъ въ нисходящую часть двѣнадцати-перстной кишки. Около головки протокъ иногда виллообразно разщепляется въ два протока изъ которыхъ одинъ, составляющій какъ бы продолженіе главнаго протока по диаметру толще, чѣмъ другой, который по большей части пронизывая головку железы, собираетъ въ себя отдѣлимое изъ побочныхъ мелкихъ протоковъ головки и открывается отдѣльно въ нисходящей части 12-перстной кишки выше (рѣже) или ниже (чаще) Вирзунгіева протока. Иногда бываетъ прибавочный протокъ (d. Santorini), который возрождается въ головкѣ и бываетъ отъ 3—5 сант. длины и впадаетъ въ нисходящую часть 12-перстной кишки. 13) Артеріи поджелудочной железы получаютъ отъ а) селезеночной артеріи—*rami pancreatici* для тѣла и хвоста; отъ б) а. *hepatica*, а именно отъ вѣтви ея а. *gastro-epiploica dextra* для головки железы и двѣнадцати-перстной кишки—*art. pancreatoduodenalis sup.* и с) отъ а. *mesenterica sup.* также для головки железы и 12-перстной кишки—*a. pancreatoduodenalis inf.* Калиберъ послѣднихъ артерій былъ по большей части одинаковый, а иногда различный, при послѣднемъ условіи чаще наблюдалась сильнѣе развитою а. *pancreatoduodenalis inferior*. Иногда наблюдалось отсутствіе какой-нибудь изъ двухъ послѣднихъ артерій, въ такомъ случаѣ существующая была очень сильно развита. 14) Венозные стволы поджелудочной железы изливаются главнымъ образомъ въ селезеночную вену, отчасти же въ *v. mesenterica sup.*, въ *v. gastrica sup.*, а иногда и прямо въ *v. portarum*. 15) Инъекцію грубыхъ лимфатическихъ сосудовъ поджелудочной железы мнѣ ни разу не удалось сдѣлать, а потому я и не могъ провѣрить ученіе Sappey, по которому мелкіе лимфатическіе сосуды железы, расположенные между дольками, собираются въ два лимфатическихъ ствола: верхній и нижній. 16) Нервы железа получаютъ изъ сплетеній симпатическаго нерва, а именно *plexus solaris*, *splenicus*, *mesentericus superior* и *hepaticus*. Прослѣдить препаровкой нервы возможно только до виѣдренія ихъ въ паренхиму железы, гдѣ они входятъ въ промежутки

между долекъ и именно такъ, какъ говоритъ Sappey, самостоятельно отъ хода сосудовъ. 17) Три раза я встрѣтилъ прибавочную железу — *pancreas parvum, s. secundarium, s. succenturiatum* и всѣ три раза вблизи воротной вены, а именно около желоба, гдѣ проходитъ воротная вена. Прибавочная железа состояла изъ нѣсколькихъ долекъ, имѣла отдѣльный выводной протокъ, изливавшійся обыкновенно въ Вирзунговъ протокъ; по формѣ была почти что всегда овально-яйцевидная, сплюснутая, а по размерамъ — 1—3 сант. длины, 1½—2 см. ширины и ½ см. толщины.

Провѣряя грубую анатомію поджелудочной железы, я ознакомился до нѣкоторой степени съ литературою анатоміи.

Для разрѣшенія намѣченныхъ мною вопросовъ по гистологіи поджелудочной железы, я считалъ прежде всего необходимымъ ознакомиться съ строеніемъ железы вообще, причемъ убѣдился въ томъ, что по своему строенію она нѣсколько отличается отъ строенія слюнныхъ железъ вообще. При гистологическихъ изслѣдованіяхъ поджелудочной железы я пользовался железами человѣческими, отъ свѣжихъ труповъ, т. е. не болѣе 24 часовъ послѣ смерти; но главнымъ образомъ я пользовался свѣжими объектами отъ кроликовъ, морскихъ свинокъ, телятъ, лошадей, свиньи, крысы, мыши и въ особенности много изслѣдовалъ кошачьихъ и собачьихъ железы. Число экспериментовъ сдѣлано въ 120. Прилагая методъ раздѣргиванія долекъ, изолированія ихъ посредствомъ кислотъ, а также дѣлая микроскопическіе отрѣзки не толькой железы въ различныхъ направленіяхъ, я убѣдился въ слѣдующемъ: а) что железа представляетъ дольчатое строеніе, причемъ дольки бываютъ различныхъ формъ и размеровъ. Грубые дольки соединены между собою рыхлою соединительною тканью, которая, проникая въ междольчатые пространства, служитъ ложемъ для сосудовъ (вѣроятно и нервовъ). б) Способъ варенія железы, предложенный для изслѣдованія вообще железъ, специально для поджелудочной железы совершенно непримѣнимъ. Микроскопическіе отрѣзки дѣлаются дѣйствительно легче, но за то препараты получаются никуда негодные, на которыхъ ровно ничего не видно; протоплазма клѣтокъ дѣлается однообразною, на подобіе того, какъ это бываетъ при амилоидномъ перерожденіи. Самый методъ варенія продолжался обыкновенно около ½ часа и затѣмъ сваренный органъ клался въ растворъ поваренной соли. в) Изслѣдованія свѣжей желѣзистой ткани, производились (по совѣту Перемежко) или въ альбуминовыхъ жидкостяхъ, или въ liquor cerebro-spinalis, или serum sanguinis того-же самаго животнаго, но чаще всего въ liquor amnii; послѣдняя употреблялась въ видѣ jodserum, которая готовится слѣдующимъ образомъ: берется liquor amnii отъ овецъ или другихъ животныхъ,

фильтруется и затѣмъ къ отфильтрованной жидкости прибавляется нѣсколько капель *t-rae jodi*, до цвѣта мочи, изобилующей уратами. Для большей ясности препарата, онъ нерѣдко переносился въ растворъ *acidi chromici* (gr $\frac{1}{5}$ — $\frac{1}{10}$ на $\mathfrak{Z}$ j aq). Для изоляціи элементовъ брался самый свѣжій, теплый органъ, клался въ *jodserum*, гдѣ и держался 3, 4 и болѣе дней, затѣмъ препаратъ раздѣргивался иглками и изслѣдовался. Для той-же цѣли прилагался и методъ Людвига и Томса (спиртъ съ $\frac{1}{2}\%$ или 1% соляной кислоты). d) Грубые дольки состоятъ изъ болѣе мелкихъ, а эти послѣднія изъ первичныхъ долекъ, форма которыхъ попадаетъ иногда круглая, но чаще овально-яйцевидная, иногда вытянутая на подобіе канала. e) Первичныя дольки обладаютъ собственной безструктурной стѣнкой и прилегаютъ тѣсно другъ къ другу. e) Железистыя клѣтки располагаются какъ по периферіи дольки, такъ равно и внутри ея, а потому, согласно съ мнѣніемъ Saviotti, необходимо признать пери-и интра-ацинозные (*centroacinäre Zellen Langerhans'a*) железистыя клѣтки. f) Самыя железистыя клѣтки круглой, или полигональной формы, 0,008—0,014 мм. величины, обладаютъ собственной оболочкой, имѣютъ мелко-зернистую протоплазму, крайне измѣнчивую въ своей зернистости; въ клѣточкахъ помѣщаются ядра отъ 0,004 мм. g) Въ промежуткахъ между долками находится нѣжная рыхлая соединительная ткань, а между крупными долками къ ней примѣшивается еще и упругая ткань. h) Что касается выводныхъ протоковъ, то только въ самомъ крупномъ изъ нихъ—Вирзунгіевомъ—въ стѣнкахъ находятся еще и мышечныя органическія волокна, какъ объ этомъ говорилъ еще Келликеръ; въ другихъ же выводныхъ протокахъ мышечныхъ волоконъ повидимому нѣтъ. Въ стѣнкахъ Вирзунгіева протока, кромѣ того залегаютъ слизистыя, гроздовидныя железы. При инъекціи выводныхъ протоковъ клеевою синею массою, чрезъ Вирзунгіевъ протокъ, всѣ протоки наливаются довольно свободно до самыхъ первичныхъ долекъ, проникая въ которыя и смѣшиваясь съ отдѣлимой железы масса образуетъ звѣздчатыя фигуры въ самыхъ доткахъ, располагаясь между интра-и даже пери-ацинозными клѣтками. Общее вѣтвленіе мелкихъ протоковъ имѣетъ древовидную форму. Каждая первичная долька даетъ начало выводному протоку: сѣтевидное начало протоковъ въ долькѣ, какъ описываетъ Saviotti, нужно объяснить проникновеніемъ инъектированной массы между железистыми клѣтками дольки. Методъ фізіологической инъекціи Хржонщевскаго, къ сожалѣнію, не далъ мнѣ никакихъ результатовъ, хотя и выполненъ былъ мною на собакахъ и кошкахъ такъ, какъ онъ рекомендуется Хржонщевскимъ для желчныхъ протоковъ и для мочевыхъ канальцевъ. Эпи-

ной, выстилающей выводные протоки, повсюду был цилиндрической, с резко выраженным ядромъ. Высота эпителия была прямо пропорциональна диаметру протока, чѣмъ протокъ былъ больше, тѣмъ эпителий выше и наоборотъ. У мѣста прикрѣпленія къ подлежащей ткани эпителий слегка полосатымъ и какъ бы расходился въ ножки, теряясь въ подлежащей ткани. i) Инъекція сосудовъ производилась чрезъ аорту клеевой массой карминовой или растворимою берлинскою лазурью, причемъ какъ артеріи, капилляры, такъ равно и вены обозначались на препаратахъ одинаковымъ цвѣтомъ. Много разъ я дѣлалъ и двойную инъекцію: чрезъ аорту красной массой, а чрезъ воротную вену синей массой. За рѣдкими исключеніями инъекція получалась вполне чистой. Сосуды проходили между дольками, а вокругъ первичныхъ долекъ образовывали тонкую капиллярную сѣтку. Вены сопровождали артеріи и всегда одной артеріи соответствовала одна вена. Картина развѣтвленія сосудовъ и капилляровъ нѣсколько разнилась отъ той, которая изображена у Келликера. Для того, чтобы получить лучшее представление о ходѣ сосудовъ не слѣдуетъ дѣлать очень тонкихъ отрѣзковъ, иначе цѣлость сѣти кровообращенія прерывается на многихъ мѣстахъ. k) Для изслѣдованія лимфатическихъ сосудовъ приложено было нѣсколько способовъ. Каждому извѣстно, что изслѣдованіе лимфатическихъ сосудовъ вообще крайне затруднительно, въ особенности въ такой железѣ, какъ поджелудочная. Оказывается, что для непосредственной инъекции сосудовъ и инструменты и наши руки являются слишкомъ грубымъ орудіемъ для такихъ тонкихъ и мелкихъ сосудовъ, которые находятся въ поджелудочной железѣ. Инъекція чрезъ, сравнительно, большіе сосуды не досягаема, по причинѣ заслонокъ, а чрезъ мелкіе невозможна, такъ какъ нельзя приготовить, соответственно капризу сосудовъ, хотя бы стеклянные канюли. Трудность эта въ особенности возникаетъ при изслѣдованіи лимфатическихъ сосудовъ на живыхъ животныхъ (собакахъ, кошкахъ и кроликахъ), съ которыми, такимъ образомъ, приходится имѣть дѣло при изслѣдованіяхъ. Изготовленіе для этой цѣли стеклянныхъ канюли, въ діаметрѣ непревышающія тонкой иголки, очень хрупки и ломаются даже при пробѣ ввести ихъ въ сосудъ. О накладываніи же на нихъ петли, или зажима и думать нечего, такъ какъ они моментально ломаются. Если ко всему этому прибавить трудность нахожденія лимфатическихъ стволиковъ, чрезъ которые было бы мыслимо произвести инъекцію, то становится понятнымъ, что методъ непосредственной инъекции лимфатическихъ сосудовъ у мелкихъ животныхъ, при настоящихъ условіяхъ техники, почти не выполнимъ. Вотъ почему сдѣлавъ нѣсколько попытокъ про-

известить непосредственную инъекцію, потерявши нѣсколько животныхъ и не получивъ ровно никакихъ результатовъ, я разъ навсегда отказался отъ него и перешелъ къ другимъ методамъ. Методъ непосредственной инъекции я производилъ такъ: желая сдѣлать лимфатическіе сосуды болѣе широкими и замѣтными для глаза, я прибѣгалъ къ двумъ способамъ: или 1) перевязывалъ за $\frac{1}{2}$ часа до убиванія животнаго v. portarum, по совѣту Mac-Guillavry, или же 2) вводилъ за часъ, или за 2 до убиванія въ яремную вену драхмы 2 опійной настойки (Tinct. Opii simpl.), какъ дѣлалъ Выводцевъ, или же для той же цѣли я выпрыскивалъ подъ кожу 1 працаковский шприцъ раствора уксусно-кислаго морфія (gr. V на $\mathfrak{z}$ j.). Животныя убивались, вскрывались и инъекція производилась растворимою берлинскою лазурью, при помощи тончайшихъ стеклянныхъ канюль, въ видимый лимфатическій стволикъ, которыхъ я могъ намѣтить около поджелудочной железы два: одинъ изъ нихъ проходитъ въ брыжейкѣ и подходитъ у собакъ къ той части железы, которая свободно держится въ пластинкахъ брыжейки, отодвинутая отъ int. duodenum и jejunum; другой изъ нихъ помѣщается на границѣ между пилорической частью желудка и поджелудочной железой (верхній сосудъ по Sarpey'ю). Несмотря на многочисленныя попытки сдѣлать инъекцію—она мнѣ не удавалась. Одинъ разъ, правда, я получилъ что то похожее на инъекцію, но и то она для меня показалась на столько сомнительной, что я не осмѣлился даже и подумать выдавать полученную мною сѣть за лимфатическую. Дѣло было такъ: однажды, инъецируя мезентеріальный лимфатическій стволикъ, я замѣтилъ, что холодная синяя масса, дошедши по сосуду до поджелудочной железы, образовала около нея небольшой экстравазатъ и затѣмъ понемногу образовала на одной изъ долекъ чрезвычайно мелкую сѣть. Микроскопическіе объекты, приготовленные изъ этой дольки, показали слѣдующее: на свободной поверхности железы рыхлая клѣтчатка окрашена въ синій цвѣтъ; отсюда масса проникаетъ сначала въ промежуточной ткани между большими дольками железы, затѣмъ между мелкими дольками, а дальше наконецъ между терминальными дольками, образуя такимъ образомъ чрезвычайно густую сѣть. Осматривая эту сѣть при большихъ увеличеніяхъ, легко убѣдиться, что собственныхъ стѣнокъ пути эти не имѣютъ, а образуютъ какъ бы щелевидные ходы между элементами соединительной ткани; эндотеліальнаго покрова никакого не найдено. Вотъ и все, что я получилъ. *Методъ физиологической инъекции Хржановскаго* былъ испробованъ мною нѣсколько разъ, но тоже не далъ мнѣ никакихъ результатовъ, хотя тѣмъ же способомъ Кисилевъ, въ той-же лабораторіи, получилъ картину поверхностныхъ и глубокихъ лимфати-

сосудовъ въ печени. (Военно-Медицинскій журналъ 1869 г. августъ стр. 191—206). Методъ физиологической инъекціи выполняемъ былъ мною слѣдующимъ образомъ: живое животное (собака, кошка и др.) фиксировалось на маленькомъ столикѣ, затѣмъ препаровалась и вскрывалась одна изъ общихъ яремныхъ венъ; подъ вену подводилась лигатура выше и ниже разрѣза. По направленію къ сердцу въ вену вставлялась канюля съ краномъ. Выпустивши извѣстное количество крови изъ верхней части разрѣза вены и наложивши временную лигатуру, я, чрезъ канюлю, накачивалъ шприцомъ по направленію къ сердцу извѣстное количество (приблизительно равное выпущенной до разрыва крови) раствореннаго въ водѣ индиго-кармина; затѣмъ дѣлался проколъ въ $\frac{1}{4}$ часа и снова повторялась та же операція три, четыре раза, до тѣхъ поръ, пока изъ верхняго конца разрѣза вены вмѣстѣ съ кровью начнетъ выдѣляться и индиго-карминъ. Затѣмъ накладывалась лигатура на яремную вену выше и ниже разрѣза ея; рана зашивалась, зашивалась и животное оставлялось жить до тѣхъ поръ, пока изъ мочевы и слизистыя оболочки не сдѣлаются синими и когда въ мочѣ замѣчается окраска индиго-карминомъ. Затѣмъ животное убивалось хлороформомъ, вскрывалась грудная клѣтка и тотъ же производилась чрезъ аорту инъекція сосудовъ карминовой краской массой. Последняя производилась постоянно съ тою цѣлью, чтобы на микроскопическихъ отрѣзкахъ легче было отличать кровеносные сосуды. Сдѣлавши полную инъекцію кровеносныхъ сосудовъ, быстро вскрывалась брюшная полость, налагались нѣсколько лигатуръ на позвоночникъ около хвоста поджелудочной железы, а также на 12-ти перстную кишку въ верхней ея части, на тощую кишку ниже нижняго конца железы и на соотвѣтственную часть брыжейки; затѣмъ поджелудочная железа вырѣзывалась, вмѣстѣ съ соотвѣтствующею частью печени, обмывалась въ водѣ и переносилась въ спиртъ 85°. По истеченіи 24 сутокъ препаратъ переносился въ 95° спиртъ до полного затвердѣнія. Приготовленные микроскопическіе отрѣзки переносились на спиртное время въ подкисленную уксусной кислотой воду, затѣмъ снова въ абсолютный алкоголь, до полного извлеченія воды, затѣмъ отрѣзки промывались въ терпентинѣ и задѣлывались въ дамарлакѣ. Микроскопическія картины, полученныя мною на этихъ препаратахъ, носили одинъ и тотъ же характеръ, а именно: прекрасная полная инъекція кровеносныхъ сосудовъ съ ихъ капиллярными сѣтями, заложенными въ железистой ткани—окрашенной то въ слабый, то въ интензивно—синій цвѣтъ. Иногда-бы то ни было образованій въ видѣ каналовъ, которые могли бы быть принимаемы за выводные протоки, или за лимфатическіе ходы

не было видно. Ясно было только одно, что индиго карминъ, вытиснутый изъ сосудовъ клеевой карминовой массой, диффундировалъ безъ особенныхъ намѣченныхъ путей прямо въ железистыя клѣтки долекъ и въ окружающую послѣднія рыхлую соединительную ткань. Такіе отрицательные результаты получилъ я также, испробовавши множество разъ *методъ всасыванія* ¹⁾, который производился мною слѣдующимъ образомъ: живому животному впрыскивались въ брюшную полость различные растворимыя и нерастворимыя, мелкозернистыя вещества, какъ карминъ, индиго карминъ, киноваръ, китайская тушь, берлинская лазурь. Впрыскиваніе производилось при помощи обыкновеннаго шприца съ иглообразной канюлей. Затѣмъ животное оставлялось жить отъ 1 часу до 2-хъ дней. Послѣ убиванія животного, поджелудочная железа подвергалась микроскопическому изслѣдованію, или безъ инъекціи сосудовъ, или послѣ предварительной инъекціи таковыхъ клеевою цвѣтною массой. Микроскопическія картины получались при этомъ способомъ изслѣдованія приблизительно одного характера, а именно: всѣ нерастворимыя вещества оставались совершенно не всосанными и прилипали къ брюшинному покрову железы какъ микроскопическая грязь, непроникая въ существо железы. Растворимыя же вещества обыкновенно имбибировали поверхностныя слои железы сплошь, какъ элементы соединительной ткани, такъ равно и элементы железистыя, не проникая впрочемъ далеко въ глубь. Карминъ по временамъ имбибировалъ соединительную ткань, заходя и глубже между дольками. Надѣялся я также получить какія нибудь опредѣленные картины лимфатическихъ ходовъ, *производя наипрѣнно экстравазаты при инъекціяхъ кровеносныхъ сосудовъ*. При этомъ картины получались особаго, но всегда постояннаго характера, а именно: прорвавшаяся масса проникала далѣе между элементами стѣнокъ сосудовъ, имѣла менѣе интенсивный цвѣтъ, нежели въ самыхъ сосудахъ и раздвигая элементы она прокладывала себѣ путь по ходу сосудовъ, образуя вокругъ ихъ влагалища, на подобіе периваскулярной лимфатической системы. Разумѣется, не было никакого сомнѣнія въ томъ, что это искусственно произведенные ходы, принять которые за лимфатическіе не было ровно никакого основанія. *Методъ укалыванія въ ткань*, рекомендованный впервые Фоманомъ и широко практиковавшійся Тейхманомъ, Брюкке и другими, мною особенно много разъ былъ прилагаемъ при изслѣдованіяхъ. Методъ этотъ выполнялся мною слѣдующимъ образомъ: свѣжая поджелудочная железа,

¹⁾ При помощи этого метода Н. Афанасьевъ получилъ картину лимфатическихъ сосудовъ на поверхности легкихъ подъ плеврой (диссертация).

нѣтъ въ только что убитаго животнаго, клалась на нѣкоторое время въ чашку съ теплою водою, съ цѣлью наполненія и возможнаго растяженія въ объемѣ лимфатическихъ сосудовъ. Послѣ того, какъ приставъ глазомъ намѣчалось мѣстечко, какъ бы съ разбухшимъ лимфатическимъ сосудомъ, то тутъ же производился уколъ иглообразной иглой маленькаго Робертовскаго шприца и затѣмъ инъецировалась синяя масса Биля. По большей части масса проникала подъ поршня въ ткань железы, проходя между дольками и образуя красивую, правильной формы, сѣтку. Иногда же на мѣстѣ укола при инъекціи образовывался экстравазатъ подъ перитонеальнымъ покрытиемъ, величиною съ горошину, и затѣмъ уже масса проникала въ железу, причемъ, чрезъ нѣкоторое время, цѣлая группы долекъ принимали свой цвѣтъ. Для грубаго вида это были очень заманчивые результаты, но при микроскопическомъ изслѣдованіи отрѣзковъ картины получались совершенно аналогичныя какъ и при методѣ непосредственной инъекціи чрезъ сосуды. Принимая во вниманіе крайнюю ненадежность метода, неувѣренность въ томъ, что инъецируешь и куда идетъ масса, а самое главное получая микроскопическія картины крайне сомнительнаго характера, говорящаго больше за возможность производства искусственныхъ путей, подъ давленіемъ инъецируемой массы, невольно убавляется всякое довѣріе къ тому, что ходы, по которымъ прошла масса, есть лимфатическіе, тѣмъ болѣе, что при большихъ увеличеніяхъ не удалось найти въ нихъ эндотелиальную обкладку. Такимъ образомъ этотъ методъ, давшій другимъ изслѣдователямъ чудные результаты (Тейхманъ), которые и до сихъ поръ принимаются въ наукѣ за истину, не оказалъ мнѣ ровно никакихъ услугъ, кромѣ только того, что онъ поднялъ во мнѣ тяжелое сомнѣніе ко всему, что занесено въ литературу и чему я прежде безусловно вѣрилъ. Признавая полученные мною картины за искусственные продукты, я тѣмъ не менѣе не могу не упомянуть о томъ, что многія изъ нихъ имѣли до такой степени сходный видъ съ рисуемыми картинами лимфатическихъ сосудовъ другими изслѣдователями, что иногда можно было серьезно подумать, что я имѣлъ дѣло съ настоящими лимфатическими сосудами (или лимфатическими каналами, промежутками). Такъ въ полученныхъ мною препаратахъ нѣрѣдко мелкій сосудъ по мѣстамъ расширялся, а потомъ суживался подобно тому, какъ объ этомъ говоритъ Лейдигъ, или же масса на нѣкоторыхъ мѣстахъ образовывала большія скопленія, или выпуклости, на подобіе Ausbuchtungen Kölliker'a, или лякунь Beckinghausen'a. Послѣдній методъ испытанный мною былъ методъ Реклингаузена. Выполняемъ этотъ методъ былъ мною слѣ-

дующимъ образомъ: или свѣже-вынутая железа изъ только что убитаго животнаго обливалась растворомъ азотно-кислаго серебра (*Argentī nitrici gr x на 3j Aq*), и затѣмъ подвергалась дѣйствию свѣта, или же дѣлались изъ совершенно свѣжей железы отрѣзки, которые на короткое время погружались въ такой же растворъ серебра и затѣмъ подвергались дѣйствию свѣта. При такой обработкѣ препараты микроскопическіе давали картины, на которыхъ видны были, ограниченные альбумина-томъ серебра, какъ поверхностные, подсерозные, такъ равно и между дольчатые ходы правильной, одинаковаго колибра, формы. Ходы эти подъ серознымъ эпителиемъ образовывали на поверхности железы чрез-вычайно правильныя (соотвѣтственно границамъ долекъ) сѣти, а внутри железы такія сѣти образованы были тоже между дольками. Присма-триваясь же ближе, при большихъ увеличеніяхъ, къ этимъ сѣтямъ ясно было, что промежутки отграничены были отложившимся серебромъ на поверхности первичныхъ долекъ и кромѣ того самыя ходы не имѣли собственныхъ стѣнокъ и не имѣли эндотелиальной обкладки. Итакъ, и въ этомъ случаѣ, каналовидные ходы нужно было признать за промежутки между дольками, но были-ли эти промежутки лимфа-тическими ходами—это оставалось для меня неразъясненнымъ. к) При изслѣдованіи *нервовъ* поджелудочной железы я слѣдовалъ тому же спо-собу, который приложилъ Pflüger для изслѣдованія окончанія нервовъ въ слюнныхъ железахъ. Я бралъ маленькіе кусочки поджелудочной, совершенно свѣжей железы, только что вынутой изъ убитаго животнаго и клалъ ихъ въ растворъ двуххромокислаго кали до просвѣтленія и за-тѣмъ подвергалъ изслѣдованію. Не смотря на очень тщательный осмотръ препаратовъ, я ни на одномъ изъ нихъ не нашелъ ни одной похожей картины, какія изображены на рисункахъ Pflüger'a, да и вообще нервы, даже крупныя стволы, трудно были различаемы. Другой способъ, реко-мендованный тѣмъ же самымъ Pflüger'омъ для изслѣдованія нервовъ поджелудочной железы, (Pflüger. Die Endigung der Absonderungsnerven in dem Pancreas. Archiv Max Schulze. Bd. V Hft. 2), а именно при дѣйствиіи *осміевоі кислоты*, мною не былъ испробованъ, такъ какъ я не могъ достать осміевоі кислоты въ продажѣ. *Методъ золоченія* я пробовалъ всего три раза, и получилъ одни лишь крупныя нервныя стволы, которые образовывали между собою сплетеніе, еще ранѣе виѣдренія своего въ железу. Какимъ же образомъ они оканчиваются въ самой железнѣ, для меня осталось неизвѣстнымъ. Самый способъ исполнялся слѣдующимъ образомъ: маленькіе кусочки свѣжей железы цѣлыми, или разрѣзанными на пластинки клались въ растворъ хлори-стаго золота (*auri chlorati gr. jjβ на 3j Aq.*) и оставлялись въ темномъ

иногда отъ 2 до 12 часовъ, затѣмъ препаратъ переносился на 6 часовъ въ растворъ уксусной кислоты (Acidi acet. glacial. gtt V на ℥j Aq.). После отвердѣнія препарата въ спиртѣ приготавливались отрѣзки и закрашивались извѣстнымъ путемъ въ дамарлакъ или глицеринъ.

Такъ окончилась моя попытка сдѣлать что нибудь для гистологіи поджелудочной железы. Проработавши усердно около двухъ лѣтъ, я не получилъ ровно никакихъ новыхъ результатовъ. Хотя это было и очень прискорбно, тѣмъ не менѣе эта работа принесла мнѣ громадную пользу, она заставила меня ближе и подробнѣе ознакомиться съ микроскопическою техникой, съ выполніемъ разныхъ методовъ, рекомендованныхъ въ то время, когда я производилъ свою работу и съ разными манипуляціями съ животными, которыя были такъ полезны для меня впоследствии.

Помимо всего этого, таже работа заставила меня лучше познаться съ литературой по гистологіи, какъ съ учебниками, такъ и съ оригинальными специальными работами гистологическими.

Какъ слабое воспоминаніе объ этой работѣ, остались всего только нѣсколько микроскопическихъ препаратовъ, подаренныхъ мною въ музей физиологической анатоміи, которые сохраняются и до сихъ поръ.

Въ лабораторіи проф. Хржонцевскаго я работалъ свыше двухъ лѣтъ.

Въ 1866 году въ сентябрѣ мѣсяцѣ я, нуждаясь въ матеріальныхъ средствахъ, подалъ прошеніе о зачисленіи меня въ военную службу, куда я былъ принятъ 13-го ноября того же года медикомъ для командировокъ при военно-медицинскомъ управленіи въ г. Харьковѣ, на нѣкоторую должность и оставался до 26 февраля 1867 года.

Въ началѣ 1867 года проф. Лямбль вошелъ въ Харьковскій медицинскій факультетъ съ рапортомъ, заслушанномъ въ засѣданіи 3 марта, въ которомъ онъ заявилъ факультету, что окончившій курсъ съ званіемъ лѣкаря съ отличіемъ Митрофанъ Поповъ въ продолженіе всего университетскаго курса и по окончаніи онаго съ особенною любовью занимался патологическою анатоміею, постоянно посѣщая лекціи Гг. профессоровъ Грубе, Хржонцевскаго и занимаясь въ патолого-анатомическомъ кабинетѣ, и кромѣ того показалъ проф. Лямблю нѣсколько гистологическихъ препаратовъ, свидѣтельствовавшихъ о его способностяхъ къ техническимъ занятіямъ, и изъявилъ притомъ желаніе быть стипендіатомъ при университетѣ для спеціальнаго изученія патологической анатоміи, съ цѣлью впоследствии быть преподавателемъ этого предмета. При этомъ Лямбль предложилъ факультету, не угодно-ли ему будетъ баллотировать г. Попова въ упомянутые стипендіаты? Къ предложенію Лямбля вполне присоединился и проф. Ал. С. Питра. Фа-

культетъ, принявъ предложеніе Лямбля, произвелъ въ семь же засѣданіи баллотировку Попова, причемъ въ результатѣ оказалось 8 избирательныхъ и ни одного неизбирательнаго шара. При баллотировкѣ въ засѣданіи Совѣта 7 марта оказалось избирательныхъ 18 и неизбирательныхъ 1 голосъ. Утвержденіе меня стипендіатомъ состоялось очень скоро, (28 марта 1877 г.), но оставался я въ этомъ положеніи очень недолго всего только до 10 октября 1877 года.

Во время моего стипендіатства я во 1-хъ посѣщалъ лекціи нормальной и патологической анатоміи; во 2-хъ постоянно присутствовалъ при вскрытіяхъ какъ патолого-анатомическихъ, такъ и судебно-медицинскихъ; въ 3-хъ писалъ при патолого-анатомическихъ вскрытіяхъ протоколы, а при судебно-медицинскихъ—самъ производилъ вскрытія, подъ руководствомъ проф. Альберта Самойловича Питра; въ 4-хъ продолжалъ заниматься нормальной и патологическою гистологіею въ лабораторіи проф. Хржонщевского, гдѣ продолжалъ свою работу о поджелудочной желѣзѣ; въ 5-хъ занимался въ анато-патологическомъ кабинетѣ. Эти послѣднія занятія были чрезвычайно разнообразны. Помимо постоянного микроскопическаго изслѣдованія болѣзненно измененныхъ органовъ, найденныхъ при вскрытіи, я обязанъ былъ, отпрепаровавши извѣстныя части, устанавливать ихъ въ банки, наклеивать сигнатуры и проч. и проч. Кромѣ того, по рекомендаціи и совѣту проф. Лямбля, я занялся спеціальнымъ изслѣдованіемъ отдѣленій: слюны, рвоты, испражнений, мочи, lochia, мокроты. Занятія эти очень многочисленны и разнообразны по полученнымъ картинамъ. Здѣсь же, а также въ лабораторіи Хржонщевского, я проштудировалъ на приготовленныхъ мною микроскопическихъ препаратахъ почти всѣ дегенеративные процессы въ органахъ и новообразованія. Послѣднія въ особенности были многочисленны, такъ какъ матеріалъ, помимо вскрытій, получался еще изъ хирургической клиники и съ Сабуровой дачи (больницы). Какъ память объ этихъ занятіяхъ въ музеѣ физиологической анатоміи и до сихъ поръ сохраняются подаренные мною болѣе 100 микроскопическихъ препаратовъ по нормальной и 64 по патологической гистологіи. Помимо всего этого я производилъ повѣрочныя гистологическія работы, изъ таковыхъ въ представленномъ мною отчетѣ факультету упоминается о двухъ: а) ученіе о дѣтскомъ мѣстѣ (placenta) и б) о серозномъ эпителиѣ и лимфатическихъ сосудахъ брыжейки и брюшныхъ стѣнокъ (повѣрка метода серебрения Реклингаузена). Въ этотъ же періодъ времени мною сдѣлано было научное сообщеніе въ засѣданіи Харьковскаго медицинскаго Общества 8-го апрѣля 1867 года подъ названіемъ: „*Aneurysma septi ventriculorum cordis et stenosis aortae*“.

При концѣ своего стипендіатства, я однажды чуть не сдѣлался жертвой жаритія, производя таковое вмѣсто проф. Лямбля. Трупъ былъ изъ университетской клиники и былъ пиемическій. При выниманіи легкихъ я поранилъ тылъ лѣвой кисти объ остросрѣзанные края реберныхъ костей и заразился. Отъ этого зараженія я съ трудомъ оправился, пробывъ болѣе 2½ мѣсяцевъ.

5-го мая 1867 года проф. Лямбль, по случаю освобожденія мѣста ассистента прозектора анатоміи, представилъ въ медицинскій факультетъ мое имя кандидата на занятіе этой должности. Въ засѣданіи факультета 21 августа того же года меня баллотировали и я избранъ былъ ассистентомъ; при баллотировкѣ же въ засѣданіи Совѣта университета 28 сентября того же года я получилъ избирательныхъ 23 и неизбирательныхъ 4 шара. 10-го октября 1867 года я былъ утвержденъ въ Формальнымъ учебнаго округа въ должности помощника прозектора анатоміи. 13 сентября 1867 года я подалъ г. Ректору прошеніе о допущеніи меня къ экзамену на степень доктора медицины. Факультетъ допустилъ меня къ таковому и въ засѣданіяхъ факультета 21, 28 сентября и 5 октября я успѣшно выдержалъ экзамены по общей анатоміи, фармакологіи, рецептурѣ и общей терапіи, частной патологіи и терапіи, судебной медицинѣ и гигиенѣ, но на экзаменѣ по физиологіи 12 октября проф. Щелковъ призналъ отвѣты мои неудовлетворительными и внесъ отмѣтку въ протоколъ. Такая неудача такъ сильно дѣйствовала на меня, что я не сталъ продолжать далѣе экзамена на доктора, несмотря на настойчивыя требованія профессоровъ Лямбля и Вагнера продолжать экзамень.

Въ должности помощника прозектора анатоміи я пробылъ съ 28 октября 1867 года по 1 января 1872 т. е. 4 года 2 мѣсяца и 20 дней. Обязанности возложены были на меня очень разнообразны: я былъ хранителемъ анатомическаго музея и вести матеріальныя книги, занимался о доставкѣ труповъ, объ уборкѣ препарованныхъ частей, о употребленіи труповъ, производить мацерированіе костей, наблюдать за анатомическимъ театромъ и анатомическими служителями, наблюдать за цѣлостью и сохранностью инструментовъ, а также за чистотой мебели. Кромѣ всего этого я долженъ былъ помогать прозектору въ приготовленіи препаратовъ къ лекціямъ и по возможности пополнять препараты въ анатомическій музей.

Привлеченный мною отъ бывшаго помощника прозектора Э. В. Гана въ анатомическую анатомію былъ очень бѣденъ, въ немъ числилось всего только 497 препаратовъ. Недоставало самыхъ необходимыхъ препаратовъ для лекціи, въ особенности по внутренностямъ. Во всемъ

музеѣ было только 2 связанныхъ скелета, да и то изъ нихъ одинъ былъ сильно поврежденъ и растерянъ. Естественно, что пришлось прежде всего заняться возможнымъ пополненіемъ музея, что и производилось совокупными силами, профессора, прозектора и моими. За время моего пребыванія въ должности помощника прозектора я успѣлъ поставить въ музей 125 экземпляровъ различныхъ анатомическихъ препаратовъ. За тоже время мною доложены въ засѣданіяхъ Харьковскаго медицинскаго Общества и напечатаны въ протоколахъ Общества слѣдующія сообщенія: 1) „Рефератъ брошюры Смирнова о „Грязнуикѣ“ и рефератъ „Отчета Русскаго бальнеологическаго Общества за 1867 годъ“; 2) *Anomalia art. brachialis*; 3) *Anomalia art. anonymae et art. radialis*; 4) *Anomalia nervi perforantis Casserii et nervi suralis*; 5) Унилатеральное развѣтленіе *art. cerebelli inf. ant. sinis.*; 6) *Aneurysma cirsoideum artt. extr. sup.*; 7) *Foramen septi ventriculorum cordis у новорожденнаго ребенка.*

Состоя помощникомъ прозектора, я читалъ частный курсъ анатоміи и фізіологіи женскихъ половыхъ органовъ въ Харьковскомъ земскомъ повивальномъ училищѣ, съ августа 1869 года по 1872 годъ. На каникулахъ въ 1870 году, съ 15 іюня по 22 августа, исполнялъ обязанности врача распорядителя лечебницы для приходящихъ больныхъ, посещаю болѣзни врача распорядителя, и напечаталъ „Отчетъ о лечебницѣ Харьковскаго медицинскаго Общества за первую половину 1870 года“.

Вслѣдствіе просьбы проф. Альберта Самойловича Питра и ходатайства медицинскаго факультета въ 1870 году, попечитель учебнаго округа допустилъ меня къ временному исполненію обязанностей по вакантной должности помощника прозектора при кафедрѣ судебной медицины, каковую обязанность я исполнялъ съ 1 сентября 1870 года по 16 февраля 1871 года. Наблюдавшіяся мною судебно-медицинскія вскрытія дали мнѣ матеріалъ для напечатанія статьи: „Перечень судебно-медицинскихъ вскрытій, произведенныхъ въ анатомическомъ театрѣ Харьковскаго университета въ продолженіи 1869—1870 академическаго года“.

Въ ноябрѣ мѣсяцѣ 1869 года я снова приступилъ къ докторскому экзамену и до мая мѣсяца 1870 года окончилъ какъ всѣ теретическіе экзамены, такъ и большинство практическихъ, но не всѣ.

Въ засѣданіи медицинскаго факультета 12 ноября 1870 г. проф. Вагнеръ вошелъ съ рапортомъ слѣдующаго содержанія:

„Ссылаясь на отношеніе министерства народнаго просвѣщенія о посылкѣ молодыхъ людей, желающихъ приготовиться къ профессорскому званію, за-границу, позволяю себѣ предложить факультету, какъ

анатома М. А. Попова. Въ наше время описательная анатомія имѣть много мало поклонниковъ, а должность прозектора описательной анатоміи еще менѣе привлекаетъ кандидатовъ. Хотя по нашему уставу прозекторъ въ то-же время считается доцентомъ и такъ какъ, по всей справедливости, факультетъ въ скоромъ времени будетъ въ необходимости принять себѣ прозектора, то мнѣ кажется желательно-бы было послать этого помощника прозектора, для лучшей его подготовки, на службу министерства за-границу, для дальнѣйшаго изученія, какъ научной, такъ равно и технической стороны описательной анатоміи. М. А. Поповъ служитъ при нашемъ факультетѣ болѣе четырехъ лѣтъ и во все время усердно и съ отличнымъ успѣхомъ занимался. При большомъ количестве занятій помощника прозектора, при томъ, при частномъ исполненіи временной должности прозектора судебной медицины, едва-ли можно ожидать, чтобы онъ имѣлъ время предаться разработыванію специальныхъ анатомическихъ вопросовъ и сообщить труды эти. Въ такіе, невзирая на обремененіе работами своей службы, Поповъ написалъ рядъ анатомическихъ сообщеній, помѣщенныхъ въ протоколы Харьковскаго медицинскаго общества. Сообщенія эти таковы: 1) *anomalía art. brachialis* (1868); 2) *anomalía art. anonymae et radialis* (1868); 3) *anomalía n. perfor. Casserii et n. suralis* (1869); 4) о более развитіи *art. cerebelli inf. ant. sin.* (1869); 5) *aneurysma arteriole arteriarum extr. sup.*; 6) *Cor infantis neonati cum foramine in ventriculorum* (1870). Кромѣ того „перечень судебно-медицинскихъ изслѣдваній въ 1869/70 академическомъ году“. Многія сообщенія сопровождаются хорошими рисунками; всѣ содержатъ описаніе препаратовъ, такъ они встрѣчаются въ секціонной залѣ. Отъ анатома слѣдуетъ требовать на первомъ планѣ техническую ловкость въ приготовленіи хорошихъ препаратовъ, и въ этомъ отношеніи я могу только хвалить Попова. Во всякомъ случаѣ онъ обладаетъ счастливою рукою и усидчивостью, которая необходима для приготовленія хорошихъ препаратовъ. Анатомическій кабинетъ обладаетъ многими препаратами, сдѣланными руками Попова, между прочимъ удачными инъекціями. Также много микроскопическихъ инъекцій, какъ напримѣръ печени, почекъ, поджелудочной железы не оставляютъ желать ничего лучшаго. М. А. Поповъ посвятилъ много времени микроскопическимъ изслѣдованіямъ, но до сихъ поръ не успѣлъ обнародовать результаты своихъ занятій съ микроскопомъ. Хотя имъ давно уже начата специальная работа „о лимфатическихъ сосудахъ и окончаніи нервовъ въ поджелудочной железе“, но она еще не доведена до конечныхъ результатовъ и потому еще не обнародована. Микроскопическіе препараты его мнѣ знакомы и

помоему принадлежать къ лучшимъ, которые здѣсь существуютъ. Если медицинскій факультетъ исходатайствуетъ у министерства г. Попову средства для дальнѣйшаго образованія, то факультетъ можетъ рассчитывать пріобрѣсти себѣ въ будущемъ отличнаго преподавателя анатоміи и обезпечить себѣ при замѣщеніи должности прозектора и профессора описательной анатоміи. Такъ какъ г. Поповъ и его дѣятельность извѣстны большей части членовъ факультета, то я полагаю, что факультетъ согласится со мной и будетъ ходатайствовать предъ министерствомъ о командированіи Попова, какъ о дѣлѣ весьма желательномъ. Приводить еще что нибудь больше для его рекомендаціи я нахожу даже лишнимъ.

Министерство народнаго просвѣщенія, при рекомендаціи лицъ для послыжки за-границу, обращаетъ вниманіе на настоятельныя нужды университетовъ. Имѣя это въ виду, я надѣюсь, что медицинскій факультетъ раздѣляетъ мое мнѣніе, что именно въ этомъ отношеніи предложенный мною кандидатъ какъ разъ удовлетворяетъ предложенію и условію министерства“. Факультетъ положилъ имѣть сужденіе о предложеніи проф. Вагнера по окончаніи испытанія г. Поповымъ на степень доктора медицины. Въ засѣданіи 10-го декабря того же года г. деканъ заявилъ, что г. Поповъ окончилъ экзамены на доктора медицины и предложилъ факультету рѣшить вопросъ о послыжкѣ Попова за-границу для приготовленія къ профессорскому званію. Вслѣдствіе этого предложенія, факультетъ закрытою подачею голосовъ рѣшилъ означенный вопросъ единогласно утвердительно. Положили: просить совѣтъ университета ходатайствовать по этому дѣлу. Въ засѣданіи совѣта 21 декабря заслушано представленіе факультета о Поповѣ, затѣмъ произведена баллотировка Попова на отправленіе за-границу съ ученою цѣлью на два года, причемъ онъ выбранъ единогласно (32 голоса). Опредѣлили: просить медицинскій факультетъ представить проэктъ инструкціи для Попова на время заграничной командировки, для разсмотрѣнія его въ совѣтѣ. 14 января 1871 года медицинскій факультетъ представилъ въ совѣтъ „Инструкцію“ для лѣкаря М. Попова, каковую совѣтъ одобрилъ и положилъ просить ходатайства г. попечителя о командированіи Попова на два года за-границу.

Отвѣтъ на это ходатайство пришелъ лѣтомъ 1871 года, а заслушанъ въ засѣданіи медицинскаго факультета 20 сентября. Отвѣтъ былъ слѣдующій: „Отношеніе г. ректора въ факультетъ отъ 13 іюля съ препровожденіемъ копии съ предложенія г. попечителя Харьковскаго университета совѣту университета отъ 10 іюля, въ которомъ онъ увѣдомляетъ, что г. министръ народнаго просвѣщенія увѣдомилъ его, что такъ

Въ настоящемъ году сумма, ассигнованная по смѣтѣ министерства на приготовленіе профессоровъ и учителей, вся уже распредѣлена, при чемъ оказалось недостаточной даже для посланки за-границу молодыхъ людей, рекомендованныхъ начальствомъ учебныхъ округовъ по предмету такихъ университетскихъ факультетовъ, которые наиболѣе нужны, не находить возможнымъ удовлетворить ходатайству Харьковскаго университета объ отправленіи лѣкаря Митрофана Попова на два года за-границу на счетъ суммъ министерства, для приготовленія къ профессорскому званію по предмету анатоміи здороваго челоуѣка“. Факультетъ положилъ принять къ свѣдѣнію отвѣтъ министерства, но въ октябрѣ мѣсяцѣ того же года возобновилъ вновь ходатайство о командированіи Попова за-границу. Совѣтъ университета въ засѣданіи 28 октября также снова постановилъ ходатайствовать о командированіи Попова за-границу. На этотъ разъ ходатайство было уважено и министерство, приказомъ отъ 3 декабря 1871 г., командировало меня съ 1-го января 1872 по 1874 годъ за-границу, съ содержаніемъ въ годъ по 1500 рублей, причемъ я отчисленъ былъ отъ университета и причисленъ къ министерству. Ъхать за-границу я долженъ былъ чрезъ Петербургъ.

Въ послѣднихъ числахъ декабря 1871 года я выѣхалъ изъ Харькова въ Москву, гдѣ остановился на 3 дня для осмотра анатомическаго театра и музея и для ознакомленія со способомъ веденія практическихъ занятій. Благодаря любезности проф. Зернова, я за три дня получилъ подробныя свѣдѣнія о томъ, какъ ведется вообще преподаваніе анатоміи въ Москвѣ, при этомъ осмотрѣлъ буквально весь анатомическій институтъ, начиная отъ мацерационной и инъекціонной комнатъ и кончая музеемъ. Внеся въ свою памятную книгу все, что для меня было ново и что я считалъ полезнымъ ввести, по возвращеніи въ наше Харьковское университетѣ, я даже переписалъ всѣ препараты, которые желалъ современемъ поставить въ анатомическій музей въ Харьковѣ. Во время пребыванія въ Москвѣ я подробно осмотрѣлъ, тоже съ необходимыми замѣтками, Зоологическій и Рувеневскій музеи. Мимоходомъ осмотрѣлъ я и Кремль со всѣми его достопримечательностями.

Приѣхавъ въ С.-Петербургъ въ началѣ января 1872 года, я по распоряженіямъ, отъ меня независимымъ, задержался тамъ довольно долго, а именно до 10 февраля, пока не получилъ изъ Медицинскаго Департамента бумагу (9 февраля 1872 г. за № 1441), подписанную тогдашнимъ министромъ народнаго просвѣщенія статсъ-секретаремъ И. Д. Родовымъ и директоромъ М. Брадке, въ которой сказано, что я

командируюсь за-границу на 2 года съ ученою цѣлью, съ содержаніемъ въ 1500 рублей; что я обязанъ чрезъ каждые 3 мѣсяца представлять отчетъ о своихъ занятіяхъ; что отчеты эти будутъ передаваться на разсмотрѣніе въ подлежащій факультетъ и въ ученый комитетъ и что командировка моя будетъ мнѣ зачтена въ службу, въ случаѣ, если я по возвращеніи изъ заграницы получу должность по учебной части. Кромѣ того въ бумагахъ сказано, что за каждый годъ пребыванія въ заграничной командировкѣ я обязанъ по возвращеніи прослужить 2 года по назначенію министерства.

Время, на которое я задержался въ Петербургѣ, прошло у меня не даромъ, а съ величайшею пользою. Помимо того, что я имѣлъ возможность ознакомиться со всѣмъ тѣмъ, что только имѣетъ достопримѣчательнаго и интереснаго Петербургъ (я былъ въ немъ первый разъ), я, главнымъ образомъ, нашелъ для меня неистощимый интересный матеріалъ въ анатомическомъ театрѣ въ медико-хирургической академіи. Благодаря любезности проф. В. В. Грубера и ближайшаго его помощника Ермолаева, я имѣлъ возможность на препаратахъ изучать тѣ научныя богатства, которыя собраны въ музеѣ анатоміи. Поразительно громадная коллекція череповъ со всевозможными аномаліями, мышечныя, артеріальныя и нервныя аномаліи, чудные препараты по нормальной анатоміи, приготовленные главнымъ образомъ самимъ Груберомъ, до такой степени увлекли меня, что я положительно не замѣтилъ какъ прошло время. Я проводилъ въ анатомическомъ театрѣ ежедневно 6—7 часовъ, справляясь съ разными Груберовскими монографіями и провѣряя все по препаратамъ. Уѣзжая изъ Петербурга, я, разумѣется, успѣлъ *обстоятельно* познакомиться только съ немногими отдѣлами музея, но пересмотрѣлъ вообще много. Кромѣ того, я хорошо освоился съ тѣми порядками, которые введены были Груберомъ при практическихъ занятіяхъ, демонстраціяхъ и экзаменахъ.

Согласно данной мнѣ инструкціи, первое мѣсто, которое я избралъ для моихъ занятій была *Вѣна*. Занятія мои состояли во 1-хъ въ слушаніи лекцій описательной и топографической анатоміи, во 2-хъ въ практическихъ занятіяхъ надъ трупами по этимъ предметамъ, въ 3-хъ въ практическихъ занятіяхъ по микроскопической анатоміи, въ 4-хъ въ подробномъ осмотрѣ анатомическихъ музеумовъ, причемъ обращено было вниманіе и на способы приготовленія препаратовъ.

Лекціи по нормальной анатоміи я слушалъ у профф. Лянгера и Гиртля и кромѣ того посѣщалъ частный курсъ—д-ра Appelfeld'a, ассистента Лянгера. Такъ какъ я пріѣздомъ въ Вѣну запоздалъ, то мнѣ пришлось у Лянгера выслушать анатомію плевры, дыхательныхъ орга-

и начало пищеварительныхъ; кромѣ того мозгъ, головные нервы и органы чувствъ. По топографической анатоміи—топографію верхнихъ конечностей. У проф. Гиртля я выслушалъ головной и спинной мозгъ съ оболочками. Appelfeld прочелъ краткій Repetitorium нѣсколькихъ основъ анатоміи: кости и связки, а затѣмъ сразу перешелъ на артеріи и вены головы, шеи, верхнихъ и нижнихъ конечностей и мозгъ головной и спинной. Курсъ этотъ былъ слабенькій; единственно чѣмъ возможно было воспользоваться въ немъ—это пересмотромъ хорошо приготовленныхъ препаратовъ. Практическія занятія я велъ у проф. Лянгера въ Иозефинумъ. Я работалъ въ общей рабочей залѣ, которая не могла похвалиться хорошими удобствами: свѣту мало и онъ получался изъ фюаря, сдѣланнаго въ потолокъ, изъ оконъ же свѣту поступало мало, такъ какъ они обращены были все къ какой то каменной стѣнѣ. Препаровалъ я главнымъ образомъ нервы, а изъ нихъ по преимуществу брюшную часть симпатическаго нерва. Не могу при этомъ не замѣтить, что такъ называемые *rr. intestinales n. sympathici*, сопровождающіе кишечные сосуды, вышедши изъ *plexus myentericus*, облекая *art. mesent. sup.*, идутъ далѣе къ брыжеечному краю кишки въ видѣ нервныхъ нитей. На мѣстѣ дихотомическаго дѣленія этихъ нитей образуются узлы треугольной формы и разной величины (отъ 2—4 mm.). Кромѣ треугольной формы узловъ, попадаются узлы звѣздчатой формы. Эти узлы помѣщаются по большей части на уровнѣ первыхъ петель *mesent. superioris* и изъ нихъ выходятъ отъ 3 до 6—8 нервныхъ нитей по направленію къ кишечной трубѣ, вмѣстѣ съ артеріями. По топографической анатоміи мною послѣдовательно отпрепарованы верхняя конечность, тазъ и нижняя конечность. Здѣсь я впервые ознакомился съ крючками съ длинными цѣпочками (или же шнурами) съ привязанными къ нимъ гириками въ видѣ колокольчиковъ. Крючки эти действительно очень практичны и не рѣдко вполне замѣняютъ ассистента при препарациі.

Кромѣ этого я посѣщалъ лекціи по гистологіи приватъ-доцента Тольда и занимался подъ его руководствомъ, въ лабораторіи Лянгера, практическою микроскопическою анатоміею. У него же я выслушалъ лекціи о спинно-мозговыхъ нервахъ. Добросовѣстное отношеніе Toldt'a къ дѣлу дало мнѣ возможность пройти на собственныхъ препаратахъ всю общую и частную гистологію въ теченіе $\frac{1}{2}$ года, причемъ я собралъ—полную коллекцію микроскопическихъ препаратовъ по нормальной гистологіи. Кромѣ того, я у Тольда же началъ специальную работу „О нервахъ желчнаго пузыря“, которую успѣлъ окончить съ положительнымъ успѣхомъ къ сентябрю 1872 года. Эту работу я пред-

ставилъ въ харьковскій медицинскій факультетъ, какъ диссертацию на степень доктора медицины.

Курсъ эмбриологіи я выслушалъ у д-ра Schenk'a. Курсъ былъ хотя и краткій, но за то вполне демонстративный. У того-же Schenk'a я занимался и практически по эмбриологіи, прослѣдивъ, болѣе чѣмъ на 600 препаратахъ, развитіе куриного зародыша отъ 2 часовъ до 11 дней, въ послѣдовательномъ порядкѣ.

У Шенка я познакомился съ очень простымъ аппаратомъ для вывода куриныхъ зародышей, въ которомъ вдѣланъ регуляторъ, придуманный Шенкомъ. Цѣль устройства регулятора та, чтобы удерживать въ нагрѣвающейся ваннѣ температуру постоянную, не выше 40° С.

За время моего пребыванія въ Вѣнѣ я успѣлъ (*кромя публичныхъ анатомическихъ музеевъ Dessort'a и Präuscher'a*) подробно ознакомиться съ громаднымъ анатомическимъ музеемъ Гиртля и сравнительно небольшимъ музеемъ Лянгера. Гиртля музей, помимо чисто научнаго интереса, принесъ мнѣ большую пользу и тѣмъ, что я познакомился здѣсь какъ со способомъ приготовленія препаратовъ (приготовленіе разныхъ инъекціонныхъ массъ, производство инъекцій, вымачиваніе въ спирту разныхъ препарованныхъ частей, послѣ предварительнаго расправленія ихъ помощью гигроскопической ваты, пропускной бумаги и проч.), такъ равно и съ задѣлкой препаратовъ въ банки, правильной установкой, окраской ихъ и другими мелочами, которыя такъ важны при составленіи анатомическихъ коллекцій. Перечислять болѣе выдающіеся препараты музея Гиртля было бы излишне, такъ какъ всѣ препараты въ этомъ музеѣ изящны, хороши. Каталогъ музея составленъ и напечатанъ самимъ Гиртлемъ (*Vergangenheit und Gegenwart d. Museums f. menschl. anat. an d. Wiener Universität 1869 г.*). Не могу впрочемъ не упомянуть о громадномъ отдѣлѣ внутренностей, выдающихся по своей изящной постановкѣ, а также и о коррозионныхъ препаратахъ, составляющихъ красу музея. Не менѣе поучительны были для меня частыя посѣщенія *сравнительно — анатомическаго музея Гиртля въ Вѣнѣ и патолого-анатомическихъ музеевъ Рокитанскаго и Энгеля тоже въ Вѣнѣ*. Громадныя собранія препаратовъ въ этихъ музеяхъ, важныя по рѣдкости, или интересныя по способу приготовленія, невольно заставляли подольше останавливаться на нихъ и изучать. Весьма многое, что мнѣ прежде извѣстно было только по рисункамъ, я видѣлъ теперь на натуральныхъ препаратахъ.

Во время каникулъ свободное отъ занятій время я утилизировалъ на осмотръ анатомическихъ музеевъ въ другихъ городахъ. Съ этой цѣлью я ѣздилъ въ Пестъ для осмотра музея *Lenhossck'a*, который мнѣ

демонстрировалъ д-ръ Михалковичъ. Здѣсь я видѣлъ чудные препараты по нервамъ и весьма многочисленныя и трудныя венозныя сплетенія (венозныя сплетенія въ тазу, въ позвоночномъ каналѣ, подчелюстные вены лица, головы, шеи, конечностей и проч. и проч.). Музей въ Прагѣ имѣетъ много прекрасныхъ препаратовъ также по мозгу, артеріямъ и лимфатической системѣ.

Съ тою-же цѣлью я ѣздилъ на 2 дня въ Прагу, гдѣ анатомическій музей проф. Henke хотя по объему и меньше видѣнныхъ мною музеевъ, но зато заключаетъ въ себѣ нѣсколько поразительныхъ препаратовъ по техникѣ, а именно анастомозы личнаго нерва съ тройничнымъ (п. petrosus superf. major), ganglion Bogdaleki и друг.). Въ Прагѣ же мною осмотрѣнъ патолого-анатомическій музей Treitz'a.

Въ Мюнхенѣ я тщательно осмотрѣлъ анатомическій институтъ и музей проф. Bischof'a и Rüdinger'a. Весь музей состоитъ изъ трехъ большихъ залъ. Собственно анатомическіе препараты занимаютъ одну большую залу; въ другой комнатѣ, поменьше, помѣщаются эмбриологическій и остеологическій отдѣлы, а также и восковые препараты и препараты въ третьей большой залѣ патолого-анатомическіе препараты (музей проф. Buhl'a). Въ этомъ музеѣ все мое вниманіе направлено на препараты проф. Rüdinger'a, которые, какъ извѣстно, послужили матеріаломъ для изданія знаменитаго и въ настоящее время анатомическаго атласа нервной системы (головные и спинно-мозговые нервы) Рюдингера. Только незначительная часть этихъ препаратовъ хранится въ банкахъ со спиртомъ; большинство-же большихъ, громадныхъ препаратовъ сохранялось въ цинковыхъ ящикахъ, наполненныхъ разведеннымъ спиртомъ. Обзоръ этихъ препаратовъ возстановилъ въ моей памяти все то, что извѣстно было мнѣ изъ изданнаго атласа.

Въ Гейдельбергѣ мною тщательно были осмотрѣны анатомическій институтъ и музей проф. Arnold'a и Nuhn'a. Музей невеликъ, но зато въ немъ находятся, между прочимъ, препараты головныхъ нервовъ, пригодные, вмѣстѣ съ сосудами, Арнольдомъ, которые послужили ему матеріаломъ для изданія извѣстнаго всѣмъ атласа, „Icones nervorum et vasorum“. Нельзя также не отмѣтить полныхъ коллекцій по артеріальной и венозной системѣ, а также прекраснаго собранія по лимфатической системѣ, въ особенности препараты большого груднаго лимфатическаго протока.

Представленные мною отчеты о занятіяхъ за первыя три четверти 1887 года, въ которыхъ, помимо перечня моихъ занятій, перечислены также и всѣ литературныя пособія (въ видѣ учебниковъ и специальныхъ сочиненій), которыя мною были проштудированы за это время,

были одобрены ученымъ комитетомъ. Въ Харьковскомъ университетѣ письменные одобрителные отзывы о моихъ отчетахъ и занятіяхъ были прочитаны въ медицинскомъ факультетѣ проф. Вагнеромъ въ засѣданіяхъ 23 сентября и 13 ноября 1872 года.

23 сентября 1872 года въ засѣданіи медицинскаго факультета заслушано было мое прошеніе съ представленіемъ диссертациі на степень доктора медицины, подъ заглавіемъ „*Нервы желчнаго пузыря*“¹⁾. Факультетъ поручилъ проф. Кучину представить рецензію на это сочиненіе. При диссертациі приложены слѣдующіе тезисы:

1) Окончанія нервовъ въ желчномъ пузырьѣ должны находиться въ ядрахъ мышечнаго его слоя.

2) Инъекція лимфатическихъ сосудовъ черезъ уколъ въ ткань представляетъ очень сомнительный и ненадежный способъ.

3) Инъекція восково-жировой массой сосудовъ, при совмѣстномъ приготовленіи на трупѣ мускуловъ, артерій, венъ и нервовъ, не облегчаетъ, а затрудняетъ самую препаровку.

4) Замѣчаніе Toldt'a касательно направленія микроскопическихъ венозныхъ стволиковъ въ кишечномъ каналѣ нельзя принять какъ постоянное явленіе.

5) Одна изъ лучшихъ сохраняющихъ жидкостей для грубыхъ анатомическихъ препаратовъ есть спиртъ.

6) Анемія селезенки не можетъ считаться характернымъ признакомъ при смерти отъ удушенія.

Въ засѣданіи медицинскаго факультета 7-го октября того-же года проф. Кучинъ прочиталъ свою рецензію на мою диссертацию, признавъ ее удовлетворительною. Съ мнѣніемъ Кучина согласились и всѣ другіе члены факультета и назначили 12-е октября днемъ публичной защиты, при официальныхъ оппонентахъ гг. профф. Оболенскомъ, Кучинѣ и Вагнерѣ. Къ этому времени я, съ разрѣшенія министерства народнаго просвѣщенія, пріѣхалъ въ Харьковъ. Во время защиты диссертациі, кромѣ официальныхъ оппонентовъ, въ качествѣ неофициальнаго выступилъ проз. Вилкомирскій. Защита диссертациі признана была факультетомъ удовлетворительною и я удостоенъ былъ степени доктора медицины, въ каковой и утвержденъ 19 октября 1872 года.

Послѣ защиты диссертациі я немедленно выѣхалъ снова за-границу въ Тюбингенъ къ проф. Лушка, гдѣ и занимался съ 1-го ноября 1872 г.

¹⁾ Диссертациія моя напечатана была въ журналѣ Руднева и Заварыкина „Журналъ нормальной и патологической гистологіи, фармакологіи и практической медицины“ за 1872 годъ. Полученные мною оттиски поразили меня массою опечатокъ и даже ошибокъ и пропусковъ.

19-го августа 1873 г. Занятія мои въ Тюбингенѣ въ продолженіи почти полныхъ двухъ семестровъ (зимняго и лѣтняго) состояли во-1-хъ, въ посѣщеніи лекцій профф. Лушка и Дурси, и во-2-хъ, въ практическихъ занятіяхъ. У проф. Лушка я выслушалъ полный курсъ нормальной анатоміи, за исключеніемъ остеологіи и синдесмологіи, курсъ топографической анатоміи верхнихъ конечностей, таза, нижнихъ конечностей и шеи. У профессора Дурси я выслушалъ полный курсъ эмбриологии, а изъ отдѣловъ анатоміи остеологию и синдесмологию. Практическія занятія поглощали у меня очень много времени, причемъ велись они главнымъ образомъ по грубой анатоміи; гистологическіе препараты я и дѣлалъ, но сравнительно меньше.

Базется ни одинъ городъ не принесъ мнѣ столько пользы, въ какомъ специальнаго анатомическаго образованія, какъ Тюбингенъ. Благодаря замѣчательно рѣдкому вниманію, съ которымъ проф. Лушка относился ко мнѣ, я имѣлъ возможность пополнить значительно свои свѣдѣнія по анатоміи. Кромѣ литературной разработки каждой изъ наблюдавшейся при практическихъ занятіяхъ аномаліи, кромѣ подробнаго разбора топографическихъ препаратовъ, проф. Лушка поставилъ мнѣ задачею также ознакомиться какъ съ веденіемъ преподаванія анатоміи и главнымъ образомъ практическихъ занятій, такъ равно и съ разными способами консервированія препаратовъ, инъекціями и проч. и проч. Домашними моими занятіями (по вечерамъ) было изученіе болѣе подробныхъ анатомическихъ сочиненій и монографій, по рекомендаціи проф. Лушка. Библіотека въ Тюбингенскомъ университетѣ прекрасная и она была вполне открыта для меня. Одновременно со мной въ Тюбингенѣ занимались изъ Петербурга д-ръ Георгій Шмидтъ по дентологіи, изъ Одессы кандидатъ физико-химическихъ наукъ Пётръ Меликовъ (Меликовли)—по химіи и бывший студентъ medico-хирургической Петербургской академіи Иванъ Бартелинъ, поступившій студентомъ въ Тюбингенскій медицинскій факультетъ. Въ содѣйствіе отчета моего за четвертую четверть 1872 года вошли, между прочимъ, описанія разныхъ аномалій, которыя мнѣ попадались при занятіяхъ, а именно: *musc. levator gland. thyreoideae*, аномаліи *mm. laryngis colli*, *omohyoidei*, *bicipitis brachii*; *nervi perforantis Casserii*, *n. femoris externi*; изъ артеріальныхъ отклоненій описано образование венозной дуги между *art. tibialis ant.* и *art. malleolaris ant. ext.* Замѣтка объ особенностяхъ прикрѣпленія на плечевой кости *musc. pectoralis majoris*. Письменный отзывъ проф. Вагнера объ этомъ отзывѣ былъ заслушанъ въ засѣданіи медицинскаго факультета Харьковского университета 22-го января 1873 года. Отзывъ данъ весьма

одобрительный, съ которымъ вполне согласились и другіе члены факультета и положили представить отчетъ къ напечатанію въ журналѣ министерства народнаго просвѣщенія.

Въ отчетѣ за первую четверть 1873 г. я помѣстилъ описаніе способа сохраненія препаруемыхъ частей трупа въ разбавленномъ спиртѣ, практикуемаго въ Тюбингенскомъ анатомическомъ театрѣ. Тамъ же подробно описанъ способъ дополнительной инъекціи артерій, посредствомъ сургучныхъ массъ. Въ отчетѣ помѣщены описанія наблюдавшихся аномалій: а) *Ненормальное сочленіе первой пары реберъ* (эта статья мною отдѣльно напечатана въ 1875 году); б) третья головка *musc. bicipitis brachii*; в) *anomalía musc. peronei tertii*; г) *arter. coeliaca* и ея видоизмѣненія; е) *anomalía art. popliteae*; ф) особенный видъ распредѣленія артерій на ручной кисти; г) одинъ изъ вариантовъ подкожныхъ венъ шеи; h) *anom. nerv. perfor. Casserii*.

Отзывъ проф. Вагнера объ этомъ отчетѣ заслушанъ былъ въ засѣданіи медицинскаго факультета Харьковскаго университета 14-го мая 1873 года. Отзывъ былъ весьма лестный, съ которымъ согласился и факультетъ, причемъ положено было напечатать и этотъ отчетъ въ журналѣ министерства народнаго просвѣщенія.

Въ отчетъ за 2-ю четверть 1873 года мною помѣщены, между прочимъ, описанія нижеслѣдующихъ наблюденій: 1) *Diverticuli duodeni*; 2) *Fractura cranii*; 3) *Anomalía musc. bicipitis brachii*; 4) *Fornix humeralis et bursa subacromialis*; 5) *Hydrocele* и 6) *Van Vetter'овскій методъ*. Первые „*Diverticuli duodeni*“ наблюдались на трупѣ старика въ количествѣ двухъ мѣшковъ. Оба они находились у верхняго конца нисходящей части 12—перстной кишки, причемъ одинъ изъ нихъ выступалъ къ задней стѣнкѣ, а другой ближе къ передней стѣнки кишки. Оба дивертикула шаровидной формы (2½ см. въ діаметрѣ), расположены были на разстояніи 1½ см. другъ отъ друга. Какихъ либо болѣзненныхъ измѣненій въ 12—перстной кишкѣ не найдено. Оба мѣшка имѣли хорошо сформированныя стѣнки, состоящія изъ 3—слоевъ: слизистаго съ подслизистою тканью, мышечнаго и серознаго. 2-е наблюденіе „*Fractura cranii*“ найдена была у старика 65 лѣтъ, который, сорвавшись съ высоты, упалъ на камень съ острыми краями и тутъ-же вскорости скончался. По снятіи черепныхъ покрововъ, которые были разсѣчены на лѣвомъ темени въ видѣ порѣзанной раны 3 см. въ длину, оказалось, что лѣвая теменная кость имѣетъ овальное вдавленіе 4 см. длины и 2½ см. ширины, расположенное косо сверху внизъ, спереди назадъ и находится въ разстояніи 1½ см. отъ ниже-задняго угла теменной кости. По длинѣ вдавленія тянется слабая линейная инфракція *laminae*

Соответственно наружному вдавlenию на lamina vitrea находится изъёздообразный разломъ съ запекшеюся кровью. Все мѣсто вдавlenия снаружи представляет такое же возвышеніе. 3) „Anomalia musc. brachii“ состояла въ томъ, что двухглавый мускулъ имѣлъ 4 головки, начало 3-й головки было на уровнѣ прикрѣпленія musc. brachialis, а начало 4-й головки тотчасъ ниже tuberculi min. 4) „Fornix humeralis et Bursa subacromialis“. Сдѣлано подробное описаніе плечевого свода и нормальное распространеніе подакромиальной синовиальной сумки. Тутъ же приложено описаніе двухъ наблюдавшихся мною случаевъ сообщенія (communicatio) полости подакромиальной сумки съ полостью плечевого сустава. Сообщающее отверстие въ одномъ случаѣ было 8 мм., а въ другомъ 12 мм. въ діаметрѣ. 5) „Hydrocele“ наблюдалось на правомъ яичкѣ 40 лѣтняго мужчины. Изъёздообразный мѣшокъ расположенъ былъ надъ яичкомъ, такъ что послѣднее было отдавлено книзу. Размѣры мѣшка 5 см. въ діаметрѣ, форма шаровидная. Развилась повидимому изъ Hydatidis Morgagni, такъ какъ въ содержимомъ попадались сѣмянные нити. Въ сообщеніи цитируются сочиненія Hyrtl'я, Luschka, Liston'a, Dalrymple'я Lloyd'a, Husk'я, Cramer'a и друг. 6) „Van-Vetter'овскій методъ сохраненія анатомическихъ препаратовъ“. Въ 1867 году въ Gazette des Hospitaux № 84 появилась замѣтка д-ра Ducheune de Boulogne объ особенномъ способѣ сохранять анатомическіе препараты, какъ уже готовые, такъ равно еще и непрепарованные отдѣльныя части тѣла. Методу Дюшенъ научился у Van-Vetter'a, шефа анатомическихъ работъ въ Парижѣ, почему это имя и присвоено самому методу.

Рефераты объ этомъ способѣ появились въ Bericht über die Leistungen et cet. Hirsch-Virchow'a за 1867 годъ, I Bd. и въ Smidt's Jahrbücher за 1867 годъ, Bd. 136, № 2. Объ этомъ же методѣ появилась статья проф. Stieda (Dorpat), напечатанная въ Archiv für Anatom., physiologie u. Wissenschaft. Medicin Reichert'a и Du-Bois-Reymond'a за 1872 годъ, № 4, подъ названіемъ „Ueber die Van-Vetter'sche Methode zur Herstellung anatomischer Präparate“.

Задачи, достигаемыя этимъ методомъ, двѣ: въ 1-хъ Фанъ-Фетте-овскій растворъ можетъ служить какъ предохраняющая отъ разложенія жидкость для тѣхъ частей человѣческаго организма, которыя назначены для препарированія, а также для сохраненія приготовленныхъ препаратовъ, которые, будучи вымочены въ этой жидкости и затѣмъ высушены, не дѣлаются твердыми, а сохраняютъ нѣкоторую мягкость и гибкость. Обѣ эти задачи такъ важны для практической анатоміи, что естественно весьма многіе изъ анатомовъ обратились къ

этому способу. Особенный интересъ въ этомъ случаѣ заключается въ подвижности, которую сохраняють препараты, что, какъ каждому извѣстно, весьма дорого въ мышечныхъ и связочныхъ препаратахъ, и что при обыкновенномъ высушиваніи понятно теряется.

Въ первый разъ я видѣлъ препараты, приготовленные по этому способу, въ Вѣнѣ у проф. Лянгера и вскользь упомянулъ о нихъ въ своемъ отчетѣ за первую четверть 1872 г. Въ лабораторіи Лущка я познакомился съ этимъ способомъ лучше, такъ какъ приготовлялъ по этому способу самъ препараты, а потому позволяю себѣ сказать о немъ нѣсколько словъ.

Фанъ-Феттеровская жидкость готовится слѣдующимъ образомъ: берутъ 7 ч. глицерина, 1 ч. темнаго сахару и $\frac{1}{2}$ ч. обыкновенной селитры и все это хорошо смѣшиваютъ; при этомъ на днѣ сосуда образуется небольшой осадокъ. Въ приготовленную такимъ образомъ смѣсь погружаютъ ту часть тѣла, которую желаютъ затѣмъ препаровать. Куски, пролежавшіе долгое время въ этой смѣси, дѣлаются затруднительными для препаровки, по твердости ими приобретаемой, а потому лучше предварительно отработать препаратъ и затѣмъ уже класть его въ смѣсь. Время, которое онъ долженъ оставаться въ смѣси, зависитъ отъ величины препарата, чѣмъ онъ больше, тѣмъ дольше онъ долженъ пребыть тамъ. Для кисти руки, напримѣръ, это время опредѣляется, приблизительно, въ 8 дней. Вынутый изъ жидкости препаратъ дѣлается твердымъ; его затѣмъ вѣшаютъ для высушиванія въ сухомъ, тепломъ мѣстѣ. Излишекъ глицерина стекаетъ, препаратъ провѣтривается и на готовомъ препаратѣ мышцы и сочлененія остаются подвижными. Время, употребляемое для высушиванія, различно и тянется отъ 3 недѣль до 3 мѣсяцевъ. Для того, чтобы препаратъ не былъ съ поверхности липкимъ и не грязнился, Дюшенъ покрываетъ его лакомъ, составъ котораго напечатанъ у Tick'a въ его „*Traité de Chimie*“. Черезъ 2—3 года лакировка повторяется.

Проф. Штида занимался приготовленіемъ по этому способу препаратовъ съ 1868 по 1872 годъ, видоизмѣнивъ слегка смѣсь, а именно онъ бралъ не 7, а 6 частей глицерина. Въ этой жидкости онъ держалъ уже приготовленные препараты отъ 3—6 недѣль (съ не препарованными частями онъ опытовъ не дѣлалъ, по трудности послѣдующей препаровки). Высушиваніе препаратовъ производилось въ комнатѣ при T° —12°—14° R°, въ продолженіи отъ 2—6 мѣсяцевъ. Въ своемъ отзывѣ проф. Штида говоритъ, что полученные этимъ способомъ препараты имѣютъ свое особенное и незамѣнимое достоинство, заключающееся въ сохраненіи подвижности мускуловъ и сочлененій, что такъ необхо-

бываетъ при демонстраціяхъ на лекціяхъ. Непривлекательный видъ препаратовъ и маленькое неудобство сохранять ихъ въ чистотѣ съ избыткомъ искупаются сохраняемою ими подвижностью. Для улучшенія этого способа Штида предлагаетъ слѣдующія средства: 1) Такъ какъ получаемые препараты бываютъ темнаго и притомъ грязнаго цвѣта, причемъ цвѣтъ костей, связокъ и мускуловъ бываетъ почти одинаковый, то для большаго отличія этихъ частей профессоръ Штида выставлалъ такіе препараты недѣль на 8 на солнечный свѣтъ, чрезъ что кости дѣлаются свѣтлѣе, а мышцы принимаютъ красно-желтый цвѣтъ. 2) Липкость и скорое загрязненіе препаратовъ Штида отклонялъ тѣмъ, что покрывалъ ихъ дамарлакомъ, или просто спиртовымъ лакомъ, такъ какъ ему не удалось получить настоящей Фанъ-Феттеровской жидкости. Въ заключеніе Штида, признавая за препаратами, приготовленными по методу Фанъ-Феттера несомнѣнное достоинство по ихъ подвижности, говоритъ, что „всякій музей долженъ обзавестись извѣстнымъ количествомъ подобныхъ препаратовъ“.

Понятно, что познакомившись съ статьею проф. Штиды и съ тѣми преимуществами, которыми обладаютъ препараты, приготовленные по Фанъ-Феттеровскому способу, я не могъ утерпѣть, чтобы не провѣрить этого метода на дѣлѣ. Хотя я испробовалъ этотъ методъ на очень ограниченномъ числѣ препаратовъ, тѣмъ не менѣе и по этимъ немногимъ экземплярамъ я убѣдился, правда, въ нѣкоторыхъ достоинствахъ, но и въ тѣхъ и во многихъ недостаткахъ этихъ препаратовъ. При изложеніи Фанъ-Феттеровскаго метода я буквально слѣдовалъ описанію Штиды. Первое, въ чемъ я убѣдился, и о чемъ не упоминаетъ проф. Штида, это то, что Фанъ-Феттеровская смѣсь хорошая жидкость для сохраненія препаратовъ, предназначенныхъ къ препаровкѣ. Совершенно справедливо замѣчаніе, сдѣланное еще Дюшеномъ, что если препаратъ долгое время полежитъ въ этой смѣси, то онъ становится очень твердымъ и не удобнымъ для препаровки; что же касается до первыхъ дней, то этого положительно нельзя сказать. Правда, что препаратъ дѣлается нѣсколько плотнѣе, но все же не до такой степени, чтобы затруднялась препаровка. Такое легкое оплотнѣніе иногда бываетъ даже въ извѣстной степени полезно, какъ напримѣръ при очень вялыхъ тканяхъ. Кромѣ того оплотнѣніе это не идетъ сразу на всю глубину (толщину) препарата, но распространяется мало по малу, начиная съ поверхности, по мѣрѣ того, какъ ткани успѣваютъ пропитываться глицериномъ. Отпирерованныя части, вымоченныя въ Фанъ-Феттеровской жидкости и затѣмъ обсушенныя, обладаютъ дѣйствительно тѣми свойствами, о которыхъ упоминалось выше. Если что особенно непріятно

въ этихъ препаратахъ, такъ это ихъ скорое загрязненіе, застраховать отъ котораго чрезвычайно трудно. Уже во время самаго высушиванія они нѣсколько темнѣютъ и грязнятся отъ той пыли, которая носится въ воздухѣ и отъ которой не свободна ни одна комната, ни одна сушильня. Признавая за этими препаратами нѣкоторое достоинство, но въ то-же время и сознавая ихъ извѣстные недостатки, изъ которыхъ можно бы назвать какъ ихъ частую ремонтировку, или, иначе сказать, лакировку, а въ особенности и то, что при демонстраціи необходима осторожность, чтобы ихъ не запачкать, или наоборотъ, чтобы самому не испачкаться глицериномъ, который не вполне испаряется съ поверхности даже и за значительный промежутокъ времени, я не рѣшился бы утверждать положительнаго превосходства ихъ надъ спиртовыми препаратами.

Правда, что глицериновые препараты и по приготовленію и по содержанію обходятся дешевле, но за то далеко не такъ чисты, какъ спиртовые, на которыхъ тоже безъ особеннаго труда, при хорошей препарациі могутъ быть показаны какъ подвижность сочлененія, такъ равно и дѣйствіе мышцъ. Вся задача въ послѣднемъ случаѣ заключается въ крѣпости употребляемаго для сохраненія препарата спирта. Въ разведенномъ, слабомъ спиртѣ (30° — 40°) препараты мышцъ и связокъ сохраняютъ подвижность и на нихъ легко и удобно достигаются всѣ тѣ цѣли, для которыхъ собственно назначаются глицериновые препараты. Поэтому, по моему мнѣнію, безъ глицериновыхъ препаратовъ можно обойтись безъ особеннаго ущерба для преподаванія и для науки.

Еще о глицериновыхъ препаратахъ могла подниматься рѣчь въ 70-хъ годахъ, когда еще не былъ извѣстенъ формалинъ, какъ консервирующее вещество; въ настоящее же время едва ли кто можетъ сомнѣваться въ томъ, что глицериновые препараты составляютъ лишь достояніе преданія и исторіи.

Письменный отзывъ проф. Вагнера объ отчетѣ о занятіяхъ за 2 четверть 1873 г. былъ заслушанъ въ засѣданіи медицинскаго факультета 17-го апрѣля 1874 года. Какъ проф. Вагнеръ, такъ равно и членъ ученаго комитета проф. Флоринскій, на заключеніе котораго былъ прежде всего переданъ мой отчетъ о занятіяхъ во 2-й четверти 1873 г., признали отчетъ заслуживающимъ напечатанія, или въ протоколахъ Совѣта Харьковскаго университета, или въ журналѣ министерства народнаго просвѣщенія.

За время пребыванія моего въ Тюбингенѣ мною напечатаны слѣдующія двѣ статьи: 1) „О нѣкоторыхъ сверхколичественныхъ мышцахъ человеческого тѣла“. Мед. Вѣст. 1873 г. и 2) „Врожденное смѣщеніе лѣвой почки въ тазъ“. Прот. Харьк. мед. общества за 1873 г.

Въ составъ отчета за 3-ю четверть 1873 года вошли слѣдующія
1) *Musc. brachioradialis* и его видоизмѣненія; 2) *Bursa mucosa*
submembrana; 3) *Plica ileo-coecalis*; 4) Аномалія Ролландовой борозды.
Этотъ напечатанъ въ протоколахъ Харьк. мед. общ. за 1873 г.
Отзывъ о немъ проф. Вагнера заслушанъ въ засѣданіи меди-
цинскаго факультета 23 октября 1873 г.

Всѣ праздничные дни мною утилизировались для осмотра анато-
мическихъ, сравнительно-анатомическихъ и зоологическихъ музеевъ въ
Тюбингенѣ и другихъ городахъ.

Музей проф. Лушка въ Тюбингенѣ хотя и небольшой, но заклю-
чаетъ въ себѣ много чрезвычайно интересныхъ препаратовъ, приго-
товленныхъ, главнымъ образомъ, самимъ Лушкой. Большинство этихъ
препаратовъ передано въ рисункахъ въ знаменитой „Die anatomie des
Menschen“ Hubert'a Luschka и касаются буквально всѣхъ системъ че-
ловѣческаго организма. Самый музей помѣщается во 2-мъ этажѣ ана-
томическаго зданія въ одной большой комнатѣ, съ окнами въ трехъ
этажѣ и еще другой маленькой добавочной. Всѣ препараты отли-
чаются не такъ красотой, сколько тщательностью отдѣлки, такъ какъ
приготовлялись они съ цѣлью строго и точно выяснитъ извѣстныя
анатомическія части: мускулы, железы и ихъ протоки,
сосуды, вены и нервы, какъ конечностей и туловища, такъ равно и
внутренностей и проч. и проч.

Съ цѣлью ознакомиться съ веденіемъ преподаванія анатоміи и съ
анатомическими музеями я два раза ѣздилъ въ Бернъ и Цюрихъ. Съ
цѣлью я воспользовался малыми каникулами и побывалъ въ
Бернѣ для осмотра сравнительно — анатомическаго и зоологическаго
музея и въ Парижѣ, гдѣ главнымъ образомъ вниманіе мое обращено
на 3 музея: Musée Orphila, Musée Dupuytren и Musée au Jardin
des Plantes. Подавляющая масса въ высшей степени разнообразныхъ и
нормальныхъ и патологическихъ препаратовъ и громадныя
коллекціи краниологическихъ, антропологическихъ и палеонтологиче-
скихъ препаратовъ потребовали не мало времени для внимательнаго
осмотра ихъ. — Помимо осмотра музеевъ я естественно и познакомился
съ характеромъ веденія практическихъ занятій по анатоміи въ l'Ecole
de Médecine.

Занятія мои въ Тюбингенѣ продолжались до 10-го августа 1873 г.,
послѣ чего я съ грустью долженъ былъ покинуть этотъ маленькій, но симпа-
тный городокъ. При отъѣздѣ проф. Лушка заявилъ желаніе дать мнѣ
слѣдующее письменное удостовѣреніе (Zeugniss): „Herr D-r Mitrophan
Bogdan aus Charkow hat seit I. November 1872 bis Mitte August 1873

auf der hiesigen anatomischen Anstalt mit *ansgezeichnetem Fleisse* gearbeitet und mit dem *besten Erfolge* sich der Erforschung verschiedener anatomischer Probleme gewidmet“. Tübingen dem 10 August 1873. Prof. H. v. Luschka.

Изъ Тюбингена я направился на Рейнъ въ Боннъ, гдѣ я долженъ былъ по конфидеціальному порученію проф. И. К. Вагнера снять планъ новаго боннскаго анатомическаго института, который могъ бы служить примѣрнымъ планомъ для проектировавшагося новаго анатомическаго театра въ Харьковѣ. Исполненіе этого порученія не представило мнѣ никакихъ затрудненій, такъ какъ проф. Max Schulze съ любезностью предложилъ мнѣ для срисовки всѣ планы новаго боннскаго анатомическаго театра: фасада, вертикальнаго разрѣза, и отдѣльныхъ помѣщеній верхняго, нижняго и подвального этажей. Срисованный мною планъ, съ приложеніемъ подробныхъ разьясненій, я выслалъ, вмѣстѣ съ отчетомъ за 3-ю четверть 1873 года, въ медицинскій Департаментъ, откуда онъ затѣмъ пересланъ былъ въ Харьковскій медицинскій факультетъ.

Пріѣхалъ я въ Боннъ во время лѣтнихъ вакацій, когда лекцій и занятій уже не было. Кромѣ того проф. Max Schulze въ это время чувствовалъ себя уже очень больнымъ и, не болѣе какъ черезъ недѣлю послѣ моего пріѣзда, выѣхалъ куда-то лечиться.

Поселившись въ Poppelsdorf, недалеко отъ анатомическаго института, я прожилъ въ Боннѣ 2½ недѣли, въ теченіе которыхъ, кромѣ изученія Боннскаго анатомическаго музея нормальной и патологической анатоміи, я воспользовался любезнымъ разрѣшеніемъ Max'a Schulze заниматься въ его лабораторіи съ микроскопомъ, при не менѣе любезномъ указаніи проф. La-Vallet'a. По краткости времени я, разумѣется, сдѣлать какую нибудь специальную работу успѣть не могъ, но за то я очень доволенъ былъ тѣмъ, что познакомился здѣсь впервые съ обработкой препаратовъ, новинкой того времени, осміевою кислотой, которую я и приложилъ для изслѣдованія нервовъ въ пещеристыхъ тѣлахъ полового члена кролика. Кромѣ осміевою кислоты, я одновременно работалъ и съ хлористымъ золотомъ, методомъ, хорошо мною изученнымъ еще раньше въ Вѣнѣ. Какихъ нибудь строго-опредѣленныхъ и точныхъ результатовъ относительно нервныхъ окончаній въ пещеристыхъ тѣлахъ полового члена и слизистой оболочкѣ мочеиспускательнаго канала я не получилъ. Помимо этого, я пополнилъ коллекцію моихъ микроскопическихъ препаратовъ нѣкоторымъ количествомъ хорошихъ инъекціонныхъ препаратовъ сосудовъ различныхъ органовъ.

Такъ какъ до начала зимняго семестра оставалось еще около мѣсяца, то я и рѣшилъ воспользоваться этимъ временемъ для осмотра

анатомическихъ музеевъ еще и въ другихъ городахъ. Съ этою цѣлью я прежде всего направился въ *Амстердамъ*. Проф. Berlin былъ такъ любезенъ, что самъ познакомилъ меня, какъ съ составомъ музея, такъ и вообще съ устройствомъ и веденіемъ преподаванія анатоміи въ этомъ университетѣ. Аудиторія очень хороша. Препаровочная для студентовъ всего одна комната, да и то не особенно большая. Препаровочные столы всѣ деревянные, но подвижные, на винту. Инъекционная комната отдѣльная; ванна для труповъ деревянная. Сушильня для костей и сухихъ связочныхъ и сосудистыхъ препаратовъ устроена изъ стеклами. Нижний этажъ предназначенъ для мертвецкой, кладовыхъ и для помѣщенія служителей. Во 2-мъ этажѣ помѣщаются комнаты профессора, прозектора и препарационныя. Въ 3-мъ этажѣ: аудитория и музей. Музей содержитъ хорошую коллекцію уродовъ и сравнительно — анатомическіе препараты, по преимуществу морскихъ животныхъ. Тутъ же помѣщается и патолого-анатомическій музей. Музей нормальной анатоміи не богатъ, хотя въ немъ находятся нѣкоторые искусственно сдѣланные препараты Wrolik'a.

Изъ Амстердама я поѣхалъ въ *Роттердамъ*, съ цѣлью оттуда отправиться на пароходѣ въ Лондонъ. Въ ожиданіи отхода парохода я пробылъ въ Роттердамѣ 1½ сутокъ, которыя и были мною употреблены на осмотръ достопримѣчательностей города. 5-го сентября (по старому стилю) я отправился на пароходѣ въ Harwitz, чтобы оттуда поѣхать по желѣзной дорогѣ въ Лондонъ. Сѣверно-нѣмецкое море на этотъ разъ было крайне недружелюбно. Время совпадало съ равноденствіемъ. Не успѣли мы выйти въ открытое море, какъ началась страшная буря. Ничего подобнаго мнѣ не приходилось раньше испытать, несмотря на то, что до этого мнѣ нерѣдко приходилось совершать рейсы по Азовскому, Черному и Адриатическимъ морямъ, а также и на озерахъ Боденскомъ, Четырехъ-Кантонномъ и Женевскомъ и притомъ далеко не въ такую погоду. Буря была на столько велика, что пассажиры не имѣли права оставаться на палубѣ, на которой во время бури сломало мачту. Запертые въ каюты пассажиры всѣхъ націй и разныхъ цвѣтовъ кожи отъ бѣлаго до чернаго переживали ужасные минуты, часы и дни. Всплески въ каютахъ повторялись самаго отчаяннаго характера. Въ назначенныхъ 19 часовъ хода отъ Роттердама до Harwitz, мы прибыли въ послѣдній только на третьи сутки! Нашъ громадный океанический пароходъ (кажется „Cimbria“), заходившій лишь въ Harwitz, а отправлявшійся собственно въ Америку, переносило съ волны на волну и шло какъ маленькую лодочку.

Въ *Лондонъ* я прїѣхалъ полуздоровымъ и прожилъ здѣсь 2 недѣли. Всякому бывавшему въ Лондонѣ извѣстно, что 2 недѣли времени слишкомъ мало, для того, чтобы обстоятельно познакомиться со всѣмъ тѣмъ, что заключаетъ въ себѣ Лондонъ. Поэтому всѣ осмотры, сдѣланные мною, носятъ поверхностный характеръ; останавливаться на чемъ нибудь долго не было времени; даже путевой журналъ было вести трудно. Помимо обще-интересныхъ пунктовъ какъ то: Tower of London, St. Pauls Kathedrale, Museum of London Antiquities, South Kensington Museum, Crystal Palace, разныхъ картинныхъ галлерей, парковъ и зоологическаго сада, мое вниманіе особенно было остановлено на: 1) анатомическомъ музеѣ въ St. Thomas Hospital, 2) медицинскомъ музеѣ въ Medical College и 3) Гунтеровскомъ музеѣ (Hunterian Museum) въ St. George's Hospital. Кромѣ того мною забыты и публичные анатомическіе, антропологическіе и историческіе музеи какъ Madam Tussaud Exhibition, Kahn's Museum и друг. Перечислять рѣдкіе и выдающіеся анатомическіе препараты, видѣнные мною въ Лондонѣ, я считаю лишнимъ, потому что каталоги большинства перечисленныхъ мною музеевъ напечатаны и притомъ съ подробными поясненіями.

Изъ Лондона я вернулся чрезъ *Остенде* въ *Брюссель*, гдѣ и остановился для отдыха на 3 дня, во время которыхъ и воспользовался осмотромъ, какъ анатомическихъ собраний, такъ равно и устройства анатомическаго отдѣла въ Брюсселѣ.

Изъ Брюсселя я прямо направился въ *Берлинъ*. Первая встрѣча моя съ проф. Рейхертомъ, представителемъ анатоміи въ Берлинѣ, я не могу сказать, чтобы она была для меня пріятною; услышавши отъ меня, что я могу располагать всего лишь 3-хъ мѣсячнымъ срокомъ для занятій по анатоміи въ Берлинѣ, старикъ Рейхертъ остался недовольнымъ такимъ краткимъ срокомъ пребыванія у него и сказалъ мнѣ, что за три мѣсяца я никакой специальной работы сдѣлать не могу и что для этого необходимо minimum годъ. Когда я объяснилъ ему, что я прїѣхалъ въ Берлинъ не для дѣланія специальныхъ работъ, а для знакомства съ методомъ преподаванія и веденіемъ практическихъ занятій въ его лабораторіи, то и на это онъ отвѣтилъ, что въ 3 мѣсяца онъ своего курса не кончаетъ и полный курсъ практическихъ занятій оканчивается въ 2, 3 и даже въ 4 семестра. Такимъ пріемомъ Рейхерта я обязанъ своей небосторожности, такъ какъ раньше проговорился, что я у проф. Лушка пробылъ почти годъ. Послѣ разговора съ Рейхертомъ, мнѣ ничего другаго не оставалось, какъ имматрикулироваться студентомъ, что я разумѣется и сдѣлалъ, желая все таки послушать его лекціи. Увидѣвши меня въ числѣ слушателей и притомъ

анатомическихъ посѣтителей лекцій и практическихъ занятій, проф. Рейхертъ рѣзко измѣнилъ ко мнѣ свои отношенія, сталъ очень любезенъ, показавъ всѣ богатства анатомическаго музея и лично демонстрировалъ мнѣ нѣкоторые изъ препаратовъ мозга.

Отдѣленіе описательной анатоміи помѣщается, какъ извѣстно, на Eisenstrasse въ саду Thierarzneischule. Устройство и удобство анатомическаго театра для работъ я не могу назвать особенно выдающимися. Недостатковъ относительно свѣта въ препаровочныхъ и правильности лученія препаровочнаго матеріала не мало.

За время моего пребыванія въ Берлинѣ я прослушалъ у Рейхерта начало систематическаго курса анатоміи и отдѣльный курсъ анатоміи головного мозга. Для практическихъ занятій я успѣлъ получить всего три препарата: область шеи, промежности и верхнюю конечность. Помимо препаровочную и помогая иногда студентамъ работать, мнѣ пришлось на студенческихъ препаратахъ наблюдать около 15 мышечныхъ и артеріальныхъ аномалій.

Далеко любезнѣе принялъ меня проф. Рудольфъ Вирховъ, въ анатомическомъ институтѣ котораго я главнымъ образомъ и работалъ въ теченіе 3-хъ мѣсяцевъ. Кромѣ посѣщенія лекцій, вскрытій и демонстративнаго курса, мнѣ дано было отдѣльное мѣстечко въ лабораторіи, для моихъ личныхъ микроскопическихъ работъ. Микроскопическіе препараты я дѣлалъ по преимуществу изъ органовъ болѣзненно измѣненныхъ и получаемыхъ при вскрытіи. Цѣлая серія препаратовъ перерожденій, новообразованій, паразитовъ составлены мною такимъ образомъ у Вирхова. Кромѣ того, мнѣ хотѣлось имѣть полную инъекцію сосудовъ нѣкоторыхъ нормальныхъ органовъ, которыхъ у меня или вовсе не было, или если и было, то очень мало и притомъ съ неполною инъекціею. Съ этой цѣлью, имѣя собственные инструменты и инъекціонные матеріалы, я занялся инъекціею сосудовъ всѣхъ органовъ на морскихъ свинкахъ.

Кромѣ курсовъ Руд. Вирхова и Рейхерта, я посѣщалъ еще курсъ Du-Rois-Reymond'a по фізіологіи и его же частный публичный курсъ по ученіи Дарвина.

Представленный мною отчетъ за послѣднюю четверть 1873 года, заслушанъ и одобренъ въ засѣданіи Харьковскаго медицинскаго факультета 25-го февраля 1874 года.

Въ январѣ мѣсяцѣ 1874 г. я вернулся въ Россію и прямо пріѣхалъ въ Харьковъ. Въ это время въ Харьковскомъ университетѣ освободилось мѣсто прозектора при кафедрѣ фізіологической анатоміи, которое предложилъ мнѣ занять проф. И. К. Вагнеръ, на что я выра-

зиль свое согласіе. Вслѣдствіе этого проф. Вагнеръ вошелъ въ медицинскій факультетъ 11-го марта того же года съ рапортомъ слѣдующаго содержанія: „По увольненіи прозектора анатоміи д-ра Вилкомирскаго, должность прозектора при кафедрѣ описательной анатоміи осталась вакантною. Имѣю честь, по этому, обратить вниманіе факультета на лицо, которое, по моему убѣжденію, вполне подготовлено на эту должность и которое я позволяю себѣ представить какъ кандидата на эту должность. Лицо это бывшій помощникъ прозектора при нашемъ университетѣ д-ръ М. А. Поповъ“. Изложивъ далѣе краткое *curriculum vitae* Попова и его научные труды, проф. Вагнеръ продолжаетъ: „Я полагаю, что было бы излишне входить въ подробную оцѣнку сочиненій д-ра Попова, такъ какъ, по большей части, они уже извѣстны членамъ факультета. Кромѣ небольшихъ статей, заключающихъ въ себѣ описанія нѣкоторыхъ болѣе рѣдкихъ анатомическихъ наблюденій, какъ они встрѣчаются въ секціонной залѣ въ теченіе извѣстнаго продолжительнаго срока времени, болѣе крупныя сочиненія содержатъ подробныя и прочныя анатомическія изслѣдованія, которыя ясно доказываютъ, что авторъ, владѣя вполне способами нынѣшней анатомической техники, умѣлъ ими удачно воспользоваться при своихъ изслѣдованіяхъ. Изслѣдованія д-ра Попова отличаются большою точностью и подробностью, которыя иногда даже являются съ избыткомъ, но которыя при анатомическихъ изслѣдованіяхъ отнюдь не упрекъ. Смыслъ автора всегда ясенъ и простъ; въ заключеніяхъ, выведенныхъ изъ изслѣдованій, замѣчается извѣстная сдержанность, вслѣдствіе чего дѣлаются только самыя прямые выводы. Литература изслѣдуемаго предмета приводится всегда въ полнотѣ, такъ что эти сочиненія составляютъ, до извѣстной степени, настоящее обогащеніе нашихъ знаній описательной анатоміи. Тоже самое можно сказать объ изслѣдованіяхъ, помѣщенныхъ во всѣхъ отчетахъ, представленныхъ имъ въ Министерство, равно какъ и о послѣднемъ рукописномъ сочиненіи его „*Ligamenta sterno-pericardiaca*“ у человѣка и нѣкоторыхъ животныхъ. Такимъ образомъ изъ сочиненій д-ра Попова ясно видно полное его знакомство съ анатомической техникой, которая составляетъ для прозектора первоклассную важность; поэтому мое глубокое убѣжденіе о годности д-ра Попова на прозектуру основывается отчасти на сочиненіяхъ д-ра Попова, но не на однихъ только его сочиненіяхъ. Болѣе 4-хъ лѣтъ д-ръ Поповъ состоялъ при нашемъ факультетѣ помощникомъ прозектора и доставлялъ въ это время, какъ для демонстрацій на лекціяхъ, такъ и для анатомическаго музея препараты, которые удовлетворяли во всѣхъ отношеніяхъ; я убѣдился и могу засвидѣтельствовать не только ловкость его въ при-

препаратовъ, но и ревность и усердіе, съ которымъ онъ
долговременнымъ и иногда скучнымъ работамъ прозекторской
обязанности. Двухъ-лѣтнее пребываніе за границей, главнымъ образомъ
въ Тюбингенѣ, въ Вѣнѣ, въ Берлинѣ и постоянныя работы подъ руко-
водство корнеевъ анатомической науки Langer'a, Hyrtl'a, Luschka,
Reichert'a и Virchow'a не могли остаться безслѣдными въ дальнѣйшемъ
развитіи д-ра Попова въ своемъ предметѣ.

Важное доказательство ловкости и искусства д-ра Попова я вижу
въ коллекціи около 500 прекрасныхъ микроскопическихъ препаратовъ,
которые онъ подарилъ нашему анатомическому кабинету; между ними
есть какъ превосходные препараты по нормальной и патологи-
ческой гистологіи, такъ и цѣлые ряды разрѣзовъ куриного зародыша
отъ начала до 9 дня. Членамъ медицинскаго факультета, которые ближе
знакомы съ этими препаратами, я готовъ ихъ показать всегда въ ана-
томическомъ кабинетѣ. Желаніе д-ра Попова подарить нашему каби-
нету микроскопическіе препараты, приготовленные имъ за-границей,
не могло быть исполнено по трудности перевозки такихъ препаратовъ,
которые сохраняются въ жидкостяхъ. Не безъ вліянія можетъ оста-
ваться то обстоятельство, что д-ръ Поповъ постояннымъ посѣщеніемъ
анатоміи у Рокитанскаго положилъ хорошее основаніе для своей бу-
дущей успѣшной дѣятельности, какъ самостоятельнаго преподавателя
анатомической науки. Близкое ознакомленіе со многими знаменитыми
анатомическими музеями запада: въ Вѣнѣ (Hyrtl, Langer, Rokitansky),
въ Геттингенѣ (Henke, Treitz), München (Bischof, Rudinger), Tübingen (Luschka),
въ Гейдельбергѣ (Arnold, Nuhn), въ Боннѣ (Max Schulze), Амстердамъ
(Van der Kolk), въ Парижѣ (Musée d'Orfila, Musée Dupuytren) даетъ основаніе
считать, что д-ръ Поповъ усвоилъ себѣ наилучшіе способы приго-
товленія, сохраненія и установки препаратовъ. Почти во всѣхъ отече-
ственныхъ музеяхъ находятся подробныя описанія препаровочныхъ залъ, а также
о всякаго рода новыхъ, или вообще полезныхъ устройствъ,
используемыхъ имъ въ нихъ. При сочиненіяхъ д-ра Попова, назначенныхъ
для циркуляціи между членами факультета, находятся два плана ана-
томическихъ заведеній, именно: одного въ Тюбингенѣ и другого вновь
построеннаго, образцоваго анатомическаго зданія Макса Шулце въ
Боннѣ. Изъ этихъ плановъ видно, что д-ръ Поповъ обращалъ свое вни-
маніе также и на устройство анатомическихъ институтовъ.

Изъ вышесказаннаго вытекаетъ для меня лично полнѣйшее убѣ-
жденіе, что медицинскій факультетъ приобрѣтетъ въ лицѣ д-ра Попова
замечательнаго кандидата-прозектора описательной анатоміи, вполне подго-
товленнаго къ исполненію этой должности. Я думаю, что я не сдѣлаю